СБОРНИКЪ

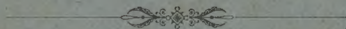
СНИМКОВЪ СЪ ПРЕДМЕТОВЪ ДРЕВНОСТИ,

НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ Г. КІЕВѢ ВЪ ЧАСТНЫХЪ РУКАХЪ.

СЕРІЯ ВТОРАЯ.

ВЫПУСКЪ II.

КІЕВЪ.
Типографія С. В. Кульженко, Ново-Елисаветинская ул., домъ № 4.
1893.

СБОРНИКЪ

СНИМКОВЪ СЪ ПРЕДМЕТОВЪ ДРЕВНОСТИ,

НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ Г. КІЕВѢ ВЪ ЧАСТНЫХЪ РУКАХЪ.

СЕРІЯ ВТОРАЯ.

ВЫПУСКЪ II.

КІЕВЪ.
Типографія С. В. Кульженко, Ново-Елисаветинская улица, собственный домъ № 4.
1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предувѣдомленіе.

Настоящій *«второй»* выпускъ II-ой серіи *«Сборника фототипическихъ снимковъ съ предметовъ «древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ»*, значительно запоздалъ своимъ изданіемъ. Причиною этого, была продолжительная болѣзнь издателя и автора большей части статей, входящихъ въ составъ этого «Сборника»; теперь изданіе это, по прежнему, имѣетъ быть продолжаемо, такъ какъ матеріалъ,—«предметы древности въ частныхъ рукахъ»,—еще находится у издателя въ достаточномъ количествѣ для двухъ слѣдующихъ выпусковъ. Главная цѣль наша въ настоящемъ трудѣ та, чтобы сдѣлать извѣстными г. г. археологамъ памятники старины, имѣвшіе значеніе въ прошлой нашей бытовой и религіозной жизни; преимущественно, огласить тѣ предметы, которые даже отсутствуютъ въ музеяхъ. Не менѣе, также, служитъ для насъ обязательною задачей при изданіи «Сборника» то, чтобы хотя только затронуть не возбуждавшіеся до сихъ поръ, или остановившіеся на своемъ пути, такіе вопросы, на которые можетъ дать отвѣтъ, чуть-ли, не исключительно одна археологія, и этимъ возбудить интересъ къ ихъ разрѣшенію.

Надѣемся, что въ этомъ выпускѣ «Сборника», между прочимъ, обратятъ на себя вниманіе въ I отдѣлѣ снимки съ иконъ: 1) подъ названіемъ «путевая или походная церковь», 2) Благовѣщеніе Пресвятой Богородицѣ, и 3) Неопалимой Купины; также панагія изъ шифера, съ изображеніемъ на ней «Добраго пастыря»; Фамильный рѣзной крестъ; серги Кіевской Великокняжеской эпохи и проч.; а въ III отдѣлѣ, въ приложеніи къ «Сборнику», статья «о значеніи Археологіи въ открытіи первыхъ слѣдовъ Христіанства у Славяно-Руссовъ».

Какъ и прежде, снимки съ предметовъ, показанные на таблицахъ «Сборника», сняты съ подлинниковъ въ натуральную ихъ величину, а тѣ, которые, по величинѣ своей, неудобны къ помѣщенію на таблицѣ въ полномъ ихъ объемѣ, нѣсколько уменьшены на снимкѣ, и дѣйствительная величина ихъ показана въ объясненіи къ таблицѣ.

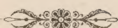
Предметы, снимки съ которыхъ представляетъ «Сборникъ», за исключеніемъ только нѣсколькихъ (до 15 шт.), всецѣло принадлежатъ его издателю, который съ полною готовностію удовлетворитъ желающаго видѣть, съ научною цѣлію, тѣ предметы въ натурѣ. Адресъ: Кіевъ, Липки, Екатерининская ул., д. № 10.

Къ свѣдѣнію: За удовлетвореніемъ требованій на 1 и 2 выпуски первой серіи «Сборника», издатель не имѣетъ ихъ болѣе: вѣроятно, нѣсколько экземпляровъ этихъ выпусковъ остаются въ продажѣ у книгопродавцевъ.

Н. Леопардовъ.

ОТДѢЛЪ I.

КРЕСТЫ И ИКОНЫ.

Фиг. 1

3

2

4

5

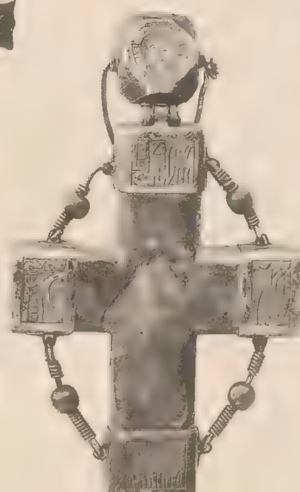
6

7

10

9

8

11

12

13

14

Объясненіе.

Фиг. 1 и 2 представляютъ крестъ энколпіонъ красной мѣди, съ лицевой и оборотной его сторонъ; на лицевой сторонѣ (фигура 1) средину креста занимаетъ изображеніе св. Бориса во весь ростъ, держащаго церковь въ лѣвой рукѣ, правая-же рука приложена имъ къ груди. На оконечностяхъ средокрестія и вверху находятся въ медальенахъ, въ видѣ бюстовъ, изображенія святыхъ. На оборотной сторонѣ (фиг. 2) средину креста занимаетъ св. Глѣбъ, стоящій также съ церковью въ правой рукѣ, лѣвая же рука прикрыта одеждою, по Византійскому обычаю; на верхней оконечности креста и на оконечностяхъ средокрестія находятся такіе же медальены, какъ и на лицевой сторонѣ креста—съ изображеніемъ св. Бориса. Энколпіонъ этотъ, по заявленію продавца, найденъ близь церки Рождества на Подолѣ, въ г. Кіевѣ, при раскопкѣ земли. Подобные кресты должны были появляться послѣ прославленія св. мучениковъ Бориса и Глѣба; почему, могутъ относиться къ XI—XII в.

Фиг. 3. Крестъ рѣзной изъ кипариснаго плотнаго, по видимому, близкаго къ тиковому дереву, или пальмѣ; съ боковыхъ сторонъ и по краямъ онъ обложенъ въ видѣ узорчатаго бордюра, серебромъ*). Толщина его $^3/_8$ вер. Онъ особенно отличается отъ другихъ, подобныхъ крестовъ, по изящно тонкой работѣ. Это крестъ изъ числа, такъ называемыхъ, *фамильныхъ*. На лицевой его сторонѣ изображенъ распятый I. Христосъ на четырехконечномъ крестѣ безъ подножія; по сторонамъ Распятаго, въ медальенахъ, Божія Матерь и св. Ап. Іоаннъ; при подножіи креста видна задрапированная одеждою рука, которая держитъ виноградную лозу, исходящую отъ самаго креста, разросшуюся на столько, что крестъ представляется окруженнымъ, или точнѣе, соприкосновеннымъ къ многоплодному винограднику, обильному гроздіями и вѣтвями. Съ противуположной стороны креста, противъ упомянутой руки, изображена женщина, склонившаяся на колѣни и приникшая къ кресту; ниже этой женской фигуры, въ квадратѣ на оконечности креста, находятся стоящими равноапостольные Константинъ и Елена, что даетъ основаніе видѣть въ приникшей къ кресту виновницу производства сего креста, носящую имя Елены, а въ равноапостольномъ царѣ Константинѣ ангела—патрона, котораго имя носилъ одинъ изъ близкихъ ей,—мужъ, сынъ, отецъ и проч. Въ остальномъ, настоящій крестъ (фиг. 3) не представляетъ выдающихся особенностей, кромѣ, еще повторимъ, художественнаго выполненія. Надъ распятіемъ I. Христа, на верхней оконечности находится изображеніе Бога-Отца съ исходящимъ къ Распятому св. Духомъ; по оконечностямъ средокрестія, въ медальенахъ, изображенія (въ половину корпуса) Богородицы и св. Апостола Іоанна. На оборотной сторонѣ креста, на вертикальной его части, внизу изображенъ почивающій на ложѣ, какъ говоритъ надпись, св. Іессей, на котораго опирается многовѣтвенное виноградное дерево (изъ корене Іессеева) съ многочисленными гроздіями, занимающее всю поверхность креста; на вершинѣ этого дерева, между виноградными гроздіями, на оконечности главной лозы, увѣнчанной полукруглою яйцеобразною чашею, представлена стоящею въ ней Богоматерь, окруженная лучами сіянія, съ сложенными на груди руками, какъ бы въ молитвенномъ положеніи; надъ нею сходящій св. Духъ. Ниже Богоматери, на произрастающихъ отъ винограднаго дерева лозахъ или вѣтвяхъ, оканчивающихся въ видѣ желудовыхъ чашечекъ, въ нихъ помѣщаются: справа Іаковъ, слѣва Анна, а затѣмъ ниже,—подъ ними, цари того рода, отъ котораго долженъ былъ произойти Мессія. На всѣхъ четырехъ оконечностяхъ креста находятся медальены, заключенные въ рамки изъ растеній, сплетенныхъ въ видѣ вѣнковъ, въ которыхъ помѣщаются изображенія: въ верхнемъ—Екатерины Великомученицы, въ нижнемъ—Великом. Варвары, и въ боковыхъ—средокрестія—Преподобные

*) Серебрянный окладъ снятъ съ этого креста, такъ какъ неудобенъ для снятія снимка съ него, закрывая нѣсколько края изображеній.

Ѳеодоръ и Епифанъ (См. фиг. I на табл. II). Крестъ этотъ, по признакамъ его, принадлежитъ къ произведеніямъ конца XVII или начала XVIII столѣтія.

Фиг. 4 и 5. Крестъ красной мѣди, плоскій энколпіонъ. Фигура 4-я представляетъ лицевую сторону креста; поверхность его раздѣлена на 6 квадратовъ, изъ которыхъ въ среднемъ—средокрестномъ, помѣщено распятіе I. Христа съ предстоящими при крестѣ Божіею Матеріею и св. Апостоломъ Іоанномъ; въ остальныхъ же 5 квадратахъ изображены двунадесятые праздники. На оборотной сторонѣ (фиг. 5) также 6 квадратовъ съ двунадесятыми праздниками.

Крестъ этотъ найденъ въ 1892 г. въ г. Мстиславлѣ, въ раскопкахъ на такъ называемой Замковой горѣ. Производство его можетъ быть отнесено къ XV—XVI в.

Фиг. 6. Крестъ изъ красной мѣди, найденный также въ раскопкѣ на Замковой горѣ въ г. Мстиславлѣ. По четыремъ его оконечностямъ находятся квадратики съ буквами: въ верху **Ни**, съ лѣвой стороны, на перекрестіи; **IC** и съ правой **XC** внизу **IБА**; въ срединѣ креста нѣсколько грубо изображено распятіе. Оборотная сторона гладкая.

Фиг. 7. Такой же крестъ, оттуда же, съ такимъ же оконечностями въ видѣ квадратовъ, и съ тѣми же надписаніями буквъ; разность этого креста отъ предыдущаго состоитъ въ томъ, что въ срединѣ его, вмѣсто изображенія распятія, находится въ крестообразномъ углубленіи рельефный четвероконечный крестикъ, соотвѣтствующій, по своей формѣ, катакомбному крестику—crux commissa. Оборотная сторона безъ изображеній.

Фиг. 8. Крестикъ изъ красной мѣди, найденный тамъ же. На немъ изображенъ восьмиконечный крестъ, на который возложенъ вѣнокъ; въ четырехъ квадратикахъ по оконечностямъ буквы: вверху-неразборчиво, справа—**IC**, слѣва **XC**, внизу **НИКА**. Оборотная сторона гладкая.

Фиг. 9. Крестикъ изъ красной мѣди, съ фигурными закончаніями оконечностей; на лицевой сторонѣ его вырѣзанъ четырехконечный крестъ, оканчивающійся по всѣмъ четыремъ концамъ кольцами, или бук. О, которая находится также и въ срединѣ крестика; на немъ, повидимому, находилась въ углубленіяхъ эмаль.

Фиг. 10. Крестъ изъ свѣтло-красновато-коричневаго мрамора, подъ названіемъ «Корсуньскій», четырехконечный, обложенный по оконечностямъ серебрянными пластинками, на которыхъ древнимъ шрифтомъ начертаны надписи: вверху славянскою вязью «Царь Славы», по оконечностямъ средокрестія **ИС—ХС**—внизу **НИКА**; никакихъ на крестѣ изображеній нѣтъ; въ дырочки, находящіяся въ четырехъ оконечностяхъ креста, проведена проволока, на которой нанизано по красному круглому, въ родѣ бусъ, камню между навитой плотною спиралью проволокой; на верху креста ушко изъ серебра—на шалнерѣ, съ изображеніемъ лица Спасителя. Подобные кресты относятся къ XIII—XIV вв.

Фиг. 11. Крестикъ натѣльный изъ красной мѣди. Средину на немъ занимаетъ изображеніе распятаго I. Христа; надъ нимъ два ангела; по сторонамъ распятія,—на оконечностяхъ средокрестія,—Божія Матерь и св. Апостолъ Іоаннъ; на нижней оконечности подъ распятіемъ Святой, надъ которымъ надпись затерта. Оборотная сторона гладкая. По конструкціи и стилю работы относится этотъ крестикъ къ произведеніямъ XVII в. Найденъ въ г. Кіевѣ.

Фиг 12. Крестъ серебрянный, въ видѣ энколпіона. Надо полагать, что въ немъ, какъ ящичкѣ, хранились части мощей. На лицевой, совершенно гладкой сторонѣ, вырѣзанъ линіями крестъ и въ срединѣ его монограмма ☓, при подножіи его обозначены также линіями копіе и трость; по сторонамъ креста **IC—XC**, вверху сіяніе, а внизу произростающая вѣтвь съ 2-мя отпрысками. Оборотная сторона также гладкая; на ней только нѣсколько стоящихъ, отдѣльно одна отъ другой, крестообразно расположенныхъ буквъ с о в в м. Повидимому, это произведеніе начала прошлаго столѣтія. Также найденъ въ Кіевѣ.

Фиг. 13. Крестъ серебрянный, натѣльный, односторонній; на немъ представленъ Спаситель, какъ царь Славы возсѣдающимъ на тронѣ; правою рукою Онъ благословляетъ, а въ лѣвой держитъ Евангеліе; по сторонамъ его, на оконечностяхъ средокрестія, Божія Матерь и св. Апостолъ Іоаннъ; сверху надъ головою Спасителя крупными буквами **IC. XC**, на нижней оконечности крестика Святой, но надпись надъ нимъ не разборчива. Произведеніе, кажется, XV—XVI в.

Фиг. 14. Крестикъ изъ красной мѣди натѣльный, очень толстый, представляетъ особый типъ натѣльнаго креста по своей формѣ.

Н. Л.

Фиг. 1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Объясненіе.

Фиг. 1. Оборотная сторона крестика. Объясненіе помѣщено въ I таблицѣ, фигура 3.

Фиг. 2. Крестъ изъ красной мѣди—лицевая сторона энколпіона. Отличительныхъ особенностей отъ такихъ же крестовъ, снимки съ которыхъ помѣщены въ предыдущихъ выпускахъ «Сборника», этотъ энколпіонъ не представляетъ, кромѣ мѣстности, гдѣ онъ найденъ, именно извлеченъ въ 1892 г. изъ земли на Княжей горѣ,—мѣстечкѣ Каневскаго уѣзда.

Фиг. 3. Крестъ изъ красной мѣди, оборотная или нижняя сторона энколпіона. Средину креста занимаетъ изображеніе стоящаго, по видимому, Спасителя (?), благословляющаго правою рукою, а въ лѣвой держащаго Евангеліе; съ лѣвой стороны его, все остающееся пространство занимаетъ греческая надпись,—неразобранная нами; на всѣхъ четырехъ оконечностяхъ креста видны въ медальенахъ поясныя изображенія четырехъ святыхъ. Этотъ крестъ найденъ въ Кіевѣ въ 1892 г. на Старомъ городѣ, въ усадьбѣ князя Трубецкаго, въ раскопкахъ; своимъ видомъ онъ указываетъ на XII в.

Фиг. 4. Крестъ—энколпіонъ изъ красной мѣди. Лицевая его сторона имѣетъ на себѣ признаки позолоты; по отливкѣ онъ отдѣланъ рѣзцомъ довольно тщательно. Спаситель изображенъ въ стоящемъ положеніи у креста и смотрящимъ прямо, что указываетъ на особую древность этого энколпіона, такъ какъ изображенія Спасителя въ распятомъ положеніи, безъ выраженія страданій Его, относятся къ произведеніямъ до XIII вѣка. На оконечностяхъ креста сохранились, въ медальенахъ, только два изображенія: вверху, какъ бы Ангела, и съ правой стороны Богоматери; изображенія эти проложены врѣзаннымъ въ крестъ серебромъ, въ видѣ очертаній. Особенный интересъ этого креста состоитъ въ томъ, что онъ найденъ при случайной раскопкѣ на Андреевской горѣ въ Кіевѣ, по спуску, именно: при разрытіи земли оказался сгнившій гробъ съ человѣческими костями, при которыхъ лежалъ означенный крестъ.

Фиг. 5. Крестъ изъ красной мѣди, найденный въ г. Мстиславлѣ, въ раскопкахъ на такъ называемой Замковой горѣ. Крестъ этотъ есть подражаніе отчасти энколпіону, съ ушкомъ, на которомъ изображенъ ликъ Спасителя. Надъ распятіемъ I. Христа (изображеннаго уже по усвоенному съ XIII в. художниками пошибу представлять Христа страдающимъ) помѣщенъ шестикрылатый серафимъ; предстоящіе предъ крестомъ Распятаго,—съ правой стороны,—Богоматерь и Марія Магдалина, и—съ лѣвой,—св. Ап. Іоаннъ и сотникъ Лонгинъ поставлены здѣсь отдѣленными отъ креста фигурами, на особомъ постаментѣ; надписи надъ ними кажутся привѣшенными къ кресту, а не помѣщенными на немъ.

Все это вмѣстѣ представляетъ особенность настоящаго креста, заслуживающую вниманія.

Фиг. 6. Панагія сердцеобразной формы,—къ сожалѣнію съ отломаннымъ и утраченнымъ ушкомъ; толщина ея полторы осьмыхъ вершка.

Эта панагія сдѣлана изъ чернаго кремнистаго шифера, мастеромъ, по видимому, не обладавшимъ хорошими средствами для полировки такого не податливаго минерала, такъ какъ плоскость на панагіи указываетъ собственно на одинъ только рѣзецъ мастера, которымъ онъ и обходился. Края этого образа обведены плоскимъ гуртикомъ, за которымъ вырѣзанъ другой гуртъ, состоящій изъ вида жемчужинъ (или горошка) На плоскости, такимъ образомъ окаймленной, изображенъ выпуклымъ рельефомъ, отъ верхняго окаймленія до нижняго, стоящій (съ самымъ малымъ уклономъ влѣво) Святой въ нимбѣ, на головѣ его длинные волосы, раздвоенные на срединѣ и спущенные на плечи; лицо съ бородой и усами; онъ держитъ въ лѣвой рукѣ посохъ, а правую приложилъ къ груди; одѣяніе на немъ состоитъ изъ нижней подпоясанной одежды (туники) и верхнній—палліумъ,—въ видѣ хитона. Не будетъ, полагаемъ, съ нашей стороны риска признать въ этомъ изображеніи «Добраго пастыря», того пастыря, въ видѣ котораго первые христіане изображали I. Христа, начиная съ ка-

такомбъ и продолжая затѣмъ втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ. На настоящей панагіи лежатъ существенные признаки катакомбнаго изображенія Искупителя: одежда на отмѣченномъ нимбомъ пастушеская (подпоясанная туника) и посохъ *съ крючкомъ* на верхней оконечности, тотъ именно, который составлялъ принадлежность пастуховъ овечьихъ стадъ. Даже до VIII в. христіане изображали I. Христа Пастыремъ овецъ, предпочтительно предъ всякимъ другимъ образомъ Его.

Настоящая панагія могла принадлежать (если только не считать ее за икону) исключительно одному *Пастырю вѣрующихъ* и, естественно, этотъ пастырь употреблялъ ее для ношенія на своей груди, какъ изображеніе «Добраго пастыря»—Пастыреначальника своего. Къ этому заключенію приводитъ и то обстоятельство, что означенная панагія найдена въ Кіевѣ, на Подолѣ, въ 1863 г., у Кирилловскаго монастыря, при копаніи канавы, и съ того времени находилась у одного изъ Кіевскихъ старожиловъ; она по всей вѣроятности принадлежала еще въ XI—XII вв. одному изъ іерарховъ этого монастыря, будучи принесена туда изъ Византіи, какъ особая святыня.

Фиг. 7. Образъ, въ видѣ панагіи, сдѣланный изъ чернаго дерева. На лицевой его сторонѣ изображенъ граверным способомъ св. Василій въ нимбѣ, въ святительскомъ одѣяніи, смотрящій вправо; правою рукою благословляетъ, а въ лѣвой держитъ Евангеліе; на окружающей это изображеніе рамкѣ съ правой стороны греческая надпись «о агіосъ», и продолженіе ея на образѣ «василевсъ». На другой сторонѣ вырѣзано изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Вверху, около края образа, сдѣлана дырочка, въ которую, вѣроятно, было продѣто ушко, и образъ этотъ служилъ панагіею.

Фиг. 8. Панагія серебряная. Она представляетъ круглый образокъ съ изображеніемъ Богоматери, такъ называемой «Ахтырской»; поверхъ его, въ большомъ видѣ Херувимъ, какъ бы, осѣняющій это изображеніе; сзади его помѣщено ушко для вдѣванія шнура или цѣпочки. На оборотной сторонѣ находится образъ св. Троицы.

Фиг. 9. Средняя часть маленькаго складня изъ красной мѣди, по характеру своему приближающаяся къ энколпіону. Какъ бы подъ навѣсомъ фронтона, на срединѣ котораго поднимается, въ видѣ конька, довольно массивное ушко, находится изображеніе распятаго I. Христа на четырехконечномъ крестѣ, впрямь, въ томъ положеніи, которое усвоено было распятому Искупителю до VIII в.; надъ нимъ расположены солнце и луна; по сторонамъ креста, предстоятъ Божія Матерь и св. Ап. Іоаннъ. Произведеніе этой иконки слѣдуетъ отнести къ раннему времени Христіанства, а появленіе ея въ Кіевѣ—не позже XII в. Можно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, сказать, что въ настоящее время, это почти «явленная икона»; она вымыта водою изъ р. Днѣпра къ берегу на столько, что можно было усмотрѣть ее тутъ и достать изъ воды. Такъ какъ это произошло въ 1892 г. въ Кіевѣ, при купальняхъ на Днѣпрѣ, на Подолѣ, то для купающагося не составляло трудности достать изъ воды усмотрѣнный имъ образокъ, что и сдѣлано имъ.

Фиг. 10. Образокъ изъ красной мѣди, представляетъ изображеніе Георгія Побѣдоносца; онъ по отливкѣ вырѣзанъ рѣзцомъ довольно тщательно и съ большимъ рельефомъ. Кругомъ его рѣзная рамка, составленная изъ сплошныхъ кружковъ, помѣщенныхъ между двухъ бордюръ. На верхней части рамки надпись: **стꙑи гєѡрги**. Судя по этой палеографіи, настоящій образокъ относится къ производству XIV—XV в. Найденъ въ 1892 г. въ Кіевѣ, на Подолѣ, въ мѣстности Нижній валъ.

Н. Л.

Объясненіе.

Образъ „Походная или путевая церковь". *)

Вышина корпуса, вмѣстѣ съ вышиною куполовъ, до оконечности креста на бóльшемъ куполѣ, 13¹/₄ вер.; отъ низа-же до крыщи 8¹/₄ вер.

Ширина 8 вер.

Подъ такимъ названіемъ,—по преданію,—высшіе духовные лица, богатые и знатные люди, а также военачальники имѣли при себѣ въ путешествіяхъ и военныхъ походахъ особаго вида образъ. Къ числу таковыхъ относится образъ, показанный на таблицахъ №№ III и IV. Это рѣзной кіотъ (изъ липоваго или подобнаго ему дерева), представляющій храмъ, поверхъ крыши котораго находятся три купола малыхъ и одинъ, бóльшій, возвышающійся надъ ними; всѣ они увѣнчаны четырехъ-конечными крестами (въ видѣ «crux commissa»); крыша на храмѣ и куполахъ чешуйчатая, обозначающая черепицу или гонтъ. На лицевой сторонѣ его возвышается фронтонъ дугообразной формы, съ подъемомъ посрединѣ; на немъ стоитъ одинъ изъ помянутыхъ меньшихъ куполовъ. На фронтонѣ находится вырѣзанная рельефомъ надпись: **ΔΕΙΣΙΣ ΤΟΥ ΔΟΥΛΟΥ ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΑΘΟΝΑCΙΟΥ ΤΟΥ ΜΗΤΡΟΠ.** Съ той и другой стороны фронтона нѣсколько возвышаются вѣтви виноградныхъ лозъ, идущія снизу—отъ основанія, на верхнихъ оконечностяхъ которыхъ, съ обѣихъ сторонъ, по райской птицѣ, опирающихся лапами на боковые, близь стоящіе купола.

Подъ фронтономъ находится видъ шкафа, который образуетъ, какъ-бы, внутренность храма; все пространство его занято образомъ Божіей Матери подъ названіемъ «милующая» или «Достойно есть».

(Вѣроятно образъ этотъ—копія, снятая на Аѳонѣ съ чудотворной иконы, явившейся тамъ въ Кареѣ въ 980 г. 11 Іюня). Въ дугу фронтона, изнутри, упирается верхняя часть образа, въ видѣ полуовала, который изображаетъ собою небо; въ срединѣ его очерченъ сферическій кругъ, представляющій особое «небо небесъ», въ которомъ,—во славѣ,—представлена Триvпостась. Здѣсь, съ нѣкоторою особенностію изображенъ Св. Духъ: Онъ, въ видѣ голубя, стоитъ впрямь съ распущенными горизонтально крыльями, держа голову, окруженную нимбомъ, прямо—въ положеніи птицы, смотрящей въ даль—на право. На небѣ, окружающемъ «небо небесъ», видны, съ той и другой стороны его, символы Евангелистовъ, Ангелы, херувимы, серафимы и вообще небесныя силы, взирающія на Ипостаснаго Бога и приникающія предъ Славою Его.

Подъ этимъ полуоваломъ находится образъ Божіей Матери. Богородица изображена держащею на колѣняхъ Сына своего Богочеловѣка, повидимому, уже въ возрастѣ отъ 3 до 4-хъ лѣтъ; лицо ея склонено къ головѣ своего, возлюбленнаго Сына, обращенной на право—по направленію къ находящемуся у Него въ правой рукѣ свитку.

Въ общемъ, изображеніе представляетъ слѣдующее: Отрокъ І. Христосъ, судя по положенію его ногъ, какъ бы желаетъ сойти съ колѣнъ своей Матери, чтобы встать и показать міру находящійся въ правой Его рукѣ свитокъ съ написаніемъ: «Духъ Господень на мнѣ, Его же ради помаза мя, благовѣстити нищимъ посла мя». Богоматерь же своею правою рукою удерживаетъ руку своего Сына, протягивающую свитокъ; удерживаетъ Сына отъ открытаго показанія міру написаннаго на свиткѣ дѣла искупленія, и, при этомъ, на лицѣ своемъ выражаетъ сокрытую материнскую скорбь. І. Христосъ, какъ сказано, правою рукою простирая свитокъ, лѣвую возложилъ на цилиндръ, (вѣроятно) вмѣщающій «законъ и пророки». Такимъ образомъ, икона пред-

*) Подставка подъ образомъ не составляетъ принадлежности къ нему; она служитъ только для удобства поставить образъ на мѣсто.

ставляетъ Божію Матерь съ Божественнымъ Сыномъ, уже на пути къ проявленію Его Божественной Миссіи. Съ правой стороны въ углу образа надпись: «О мати Господа моего Творца, ты «корень дѣвству и неувядаемый цвѣтъ чистоты».

Вмѣстилище, представляющее внутренность храма (занятое образомъ Богоматери), прикрыто сверху до низу,—во всю величину образа,—растворными, состоящими изъ двухъ равныхъ половинъ дверцами, на подобіе алтарныхъ Царскихъ вратъ. Дверцы эти съ той и другой стороны ихъ представляются состоящими изъ переплетающихся и вьющихся виноградныхъ лозъ, между вѣтвями которыхъ помѣщены по 12 медальеновъ на внѣшней и внутренней сторонахъ ихъ; на лицевой сторонѣ изображены въ медальенахъ 12 пророковъ, а на внутренней 12 апостоловъ. Общимъ видомъ всего этого, символизируется иконостасъ съ алтаремъ. Въ духовно же символическомъ значеніи, видъ настоящей иконы (въ значеніи подобія церкви) даетъ видѣть христіанину гораздо бóльшее. Для поясненія этого, обратимся къ сочиненію г. Н. Троицкаго «Иконостасъ и его символика», напечатанному въ Православномъ Обозрѣніи 1891 г. № 4. Въ этомъ сочиненіи г. Троицкій, на основаніи свидѣтельствъ, преданій, памятниковъ и авторитетовъ, установилъ на возможно-твердой почвѣ положеніе «что въ нашихъ Православныхъ храмахъ создался иконостасъ изъ идеи о раѣ, какъ жилищѣ праведныхъ и есть символическій художественный и величественный образъ рая, а алтарь, имъ прикрываемый, исходитъ изъ идеи о небесномъ вмѣстилищѣ Бога, въ которомъ присутствуетъ Глава Церкви-Христосъ, къ которому входъ въ двери рая.

Такъ это и было понимаемо издревле на Руси; въ такомъ смыслѣ представляются рисунки въ синодикахъ и въ житіяхъ Святыхъ.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что описанная нами икона замѣняла собою, какъ бы, храмъ для христіанина, путешествовавшаго и лишеннаго церковной службы, или для христіанина-воина въ походѣ по иновѣрной землѣ.

По увѣренію лица, отъ котораго пріобрѣтена нами означенная икона, она, въ послѣднее время, находилась какъ фамильный предметъ, въ родѣ одного изъ Малороссійскихъ Гетмановъ, и, надо думать, что прибыла на Русь съ Аѳона, въ послѣдующее время появленія ея въ Кареѣ, хотя по стилю живописи, скорѣе можетъ относиться къ XV—XVI вв. Здѣсь, по нашему мнѣнію, необходимо допустить два различные періода въ образованіи помянутой иконы: первый составляетъ время, когда была произведена техническая часть—вырѣзка кіота; по надписи на ней - на Греческомъ языкѣ, онъ принадлежалъ одному Греческому Митрополиту Аѳонасію, безъ сомнѣнія въ то время, когда Турки овладѣвали Византійскими провинціями, изъ которыхъ Митрополиты и Епископы искали убѣжища на Аѳонѣ; а второй періодъ—время написанія иконы Богоматери, Пророковъ и Апостоловъ. Славянскія надписи надъ ними показываютъ, что кіотъ уже перешелъ въ руки Славянина, а палеографія этихъ надписей говоритъ, что они не могли быть сдѣланы ранѣе XVI в.

Примѣчаніе: Настоящая икона, одинъ изъ видовъ христіанской идеализаціи рая и неба; подобная же этой, по идеѣ, икона, по словамъ г. Н. Троицкаго *), находилась въ Москвѣ на Археологической выставкѣ VIII археологическаго съѣзда, изъ числа иконъ Н. М. Постникова, именуемая: «Обѣдня Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго». **Н. Л.**

*) Православн. Обозрѣніе № 4, 1891 г.

Объясненіе.

Икона Благовѣщенія Пресвятой Богородицѣ.

Величина иконы: вышина $6^1/_4$ вер., ширина $5^1/_4$ вер.

Икона воспроизведена на доскѣ изъ липоваго дерева, съ выемомъ въ срединѣ плоскости, на которой изображено Благовѣшеніе Божіей Матери; по краямъ иконы возвышеніе, образующее рэму-обрамленіе кругомъ, шириною въ $^3/_4$ вер.; на обрамленіи находятся святые въ стоячемъ положеніи: съ правой стороны Святой неизвѣстнаго имени, а съ лѣвой—изображеніе Великомученицы Екатерины.

По поврежденію, находящемуся на нижнемъ краю иконы, видно, что на лицевую поверхность доски былъ наклеенъ холстъ и покрытъ левкасомъ, по которому и произведена иконопись.

Икона представляетъ слѣдующее изображеніе: Голова Богоматери покрыта темнокоричневымъ покрываломъ, какъ бы, соединяющимся на плечахъ съ палліумомъ (стóла) такого цвѣта, надѣтымъ поверхъ туники и спускающимся ниже колѣнъ; находящаяся же подъ нимъ туника темносиняго цвѣта, одѣвающая весь корпусъ, простирается до оконечностей ногъ, изъ подъ которой видны красныя сандаліи.

На Архангелѣ Гавріилѣ туника неопредѣленнаго темнаго цвѣта, сверхъ которой спущенъ съ плечъ палліумъ краснаго цвѣта; на ногахъ красная обувь (сапоги).

Архангелъ Гавріилъ изображенъ, какъ бы, идущимъ къ предстоящей предъ нимъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, Пречистой Дѣвѣ, съ простертою по направленію къ Ней правою рукою съ сложенными перстами въ такомъ видѣ, когда, по существовавшему тогда обычаю, требовали вниманія къ своей рѣчи; въ лѣвой же рукѣ, приспущенной внизъ, онъ держитъ жезлъ. Пречистая Дѣва стоитъ предъ Архангеломъ съ нѣсколько склоненною головою, какъ бы, застигнутая врасплохъ-нечаянно этимъ Благовѣстіемъ; Она предъ явленіемъ Архангела была занята пряденіемъ нитей, и неожиданное явленіе его моментально остановило это занятіе: правая Ея рука выпустила веретено, удержавъ только одну нить съ повисшимъ на ней веретеномъ, и—поднявшись вверхъ, въ невольномъ выраженіи благоговѣнія и нѣкотораго смущенія предъ Благовѣстіемъ, прижалась къ груди, выразивъ тѣмъ эти чувства; лѣвая рука опустилась, держа свитокъ волоконъ, изъ которыхъ выпрядалась нить, а теперь пріостановилась. Выраженная здѣсь идея Благовѣстія на столько олицетворяетъ Евангельское повѣствованіе объ этомъ, что едва ли можетъ быть проявлено оно съ бóльшею истиною, характеризующею моментъ Благовѣстія о воплощеніи Бога—Сына.

Икона покрыта, кромѣ изображеній на ней, по краямъ—въ видѣ рамы,—серебряннымъ окладомъ типичнаго рисунка, а вся плоскость, окаймляемая рамой, серебрянными пластинами трехъ различныхъ чекановъ: сверху, на мѣстѣ обыкновенно изображаемаго воздуха и неба, пластины, закрывающія это мѣсто, покрыты маленькими квадратами, съ рисунками на нихъ, близкими къ рисункамъ на древнихъ изразцахъ; далѣе лежитъ пластина въ 1 вер. ширины, испещренная сплошь кругообразными разными разводами, перемѣшанными съ виноградными вѣтвями, оканчивающимися листьями; эта полоса отдѣляетъ нижній рядъ пластинъ, занимающихъ половину иконы; видъ послѣднихъ чешуйчатый, въ родѣ мелкой кольчужной чешуи, которая, имѣя ободокъ по краямъ, по плоскости своей испещрена мелкою, сѣтчатою чеканкою.

Икону эту, судя по ея характеру, пошибу иконописи на ней и ея техникѣ, а также по свойству чеканки на пластинахъ, составляющихъ ея окладъ, весьма близкому къ типичности рисунка на окладѣ «Креста, которымъ Св. Преподобный Сергій благословилъ Дмитрія Донскаго на брань съ Мамаемъ», слѣдуетъ отнести къ XV—XVI вѣку.

Н. Л.

Фиг. 1

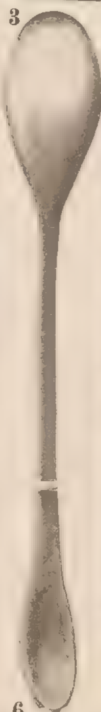

3

2

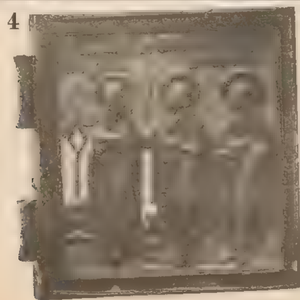

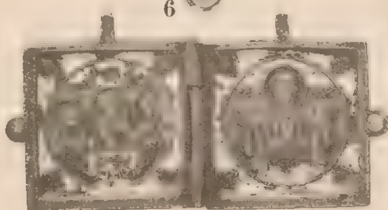

4

5

6

Объясненіе.

Фиг. 1. Образъ-складень изъ красноватой мѣди, большаго формата, подъ названіемъ «Деисусъ». Изъ числа его трехъ составныхъ частей, на средней находится изображеніе Господа Вседержителя, на правой—Божіей Матери, и на лѣвой—Св. Іоанна Предтечи. Въ общемъ всѣ три части одинаковы: каждое изъ изображеній окружено красивою рамою съ вырѣзкою на ней особаго узора, между двухъ бордюръ; въ полѣ, на которомъ сдѣлано изображеніе, начерчены травянистые разводы для прокладки эмалью. Техническое выполненіе какъ изображеній, такъ и орнаментовъ отличается тонкостію работы, тщательностію и подробностію. Всѣ три изображенія украшены, между прорѣзей, эмалью или финифтью черною, темнозеленою и бѣлою. Особенность самыхъ изображеній заключается въ томъ, что Богоматерь представлена держащею въ лѣвой рукѣ свитокъ, развернутый вверхъ, съ написаніемъ на немъ: блглко(?)нако смлтвои мои гду услыши молив матри своей юдабедз Св. Іоаннъ Предтеча съ Ангельскими крыльями, въ верблюжей одеждѣ, держащій въ лѣвой рукѣ чашу съ Агнцемъ, въ видѣ лежащаго младенца—въ нимбѣ, а правою рукою указывающимъ на него. Изображеніе «Деисуса», въ настоящемъ видѣ, до Никоновское или, точнѣе, существовавшее до замѣны изображеній этого вида нынѣшнимъ типомъ.

Фиг. 2. Икона Божіей Матери, Казанская, изъ золотистой мѣди, очень искусно и красиво исполненная рѣщикомъ-художникомъ; окаймлена рамкой изъ виноградныхъ лозъ, съ красиво расположенными листьями и гроздіями винограда, хорошо позолоченными и лежащими на эмали,—въ углахъ на черной, а въ срединѣ на бирюзовой эмали. Рамка эта лежитъ на окружающемъ изображеніе Богоматери бордюрѣ голубовато-зеленаго, чистаго колера, проложенномъ золотыми звѣздочками. Самое изображеніе Божіей Матери позолочено и украшено черною эмалью, на нимбѣ ея и Божественнаго Сына ея, также по краямъ одежды; тою же черною эмалью покрыто и поле съ проложенными на немъ вѣтвистыми разводами.

Икона эта—не древность, но она показана на снимкѣ вслѣдствіе выдающагося изящества въ ея работѣ.

Фиг. 3. Лжица или ложка для пріобщенія св. даровъ, изъ желтой мѣди, найдена въ 1892 г. въ Кіевѣ, на Аскольдовой могилѣ. Особенность ея заключается въ самой ея конструкціи; по ней видно назначеніе ея двоякое,—для пріобщенія взрослыхъ большимъ форматомъ ложки, и младенцевъ—находящеюся на другомъ концѣ маленькою ложкою.

Фиг. 4. Образъ,—правая сторона отъ складня,—изъ красной мѣди. Изображены на немъ стоящими Святые: Іоаннъ Богословъ, Мученикъ Романъ и Косьма безсребренникъ. Обращаетъ на себя вниманіе на этомъ образѣ эмаль, застилающая всю поверхность, кромѣ изображеній, по своему густому зеленому цвѣту, а также эмаль чернаго цвѣта, на которой помѣщены надписи надъ Святыми.

Фиг. 5. Образъ,—правая сторона складня, вѣроятно «Деисусъ». Изображеніе на немъ Богоматери въ томъ положеніи, какъ вообще на иконахъ «Деисусъ». Этотъ образъ выдается изъ общаго ряда подобныхъ образовъ, по особенному рисунку на рамкѣ, сходному съ такимъ же рисункомъ на образѣ Георгія Побѣдоносца (Табл. II фиг. III), и по наложенной на него разноцвѣтной эмали: бѣлой, зеленой и синей; на оборотной сторонѣ его въ большомъ кругу стоитъ золоченый крестъ съ изображеніемъ страстей Христовыхъ на полѣ, покрытомъ чистою бѣлою эмалью; по сторонамъ креста награвированы зданія Іерусалима; въ общемъ, представляется это изящнымъ медальеномъ.

Фиг. 6. Образъ—складень изъ золотистой мѣди, состоящій изъ двухъ частей, изъ которыхъ на одномъ изображеніе Св. Троицы, а на другомъ Знаменія Пресвятой Богородицы. На этихъ маленькихъ образахъ замѣчательно разнообразіе и свѣжесть эмали желтой, свѣтло-зеленой, голубой и бѣлой.

Н. Л.

Объясненіе.

Снимокъ съ иконы «Неопалимая Купина» мы помѣстили по поводу статьи уважаемаго И. Е. Забѣлина «Построеніе первой на Руси церкви въ честь Пречистой Богородицы «Неопалимой Купины», напечатанной въ № 1 за 1893 г. «Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ», издаваемыхъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ.

Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, изложилъ свѣдѣнія объ этой иконѣ: «По изъясненію и ученію Отцовъ Церкви, горѣвшая пламенемъ и несгоравшая купина въ особенности прообразовала Пресвятую Дѣву, въ ея божественной, непорочной чистотѣ дѣвства, почему позднія Русскія объясненія, согласно пѣснопѣніямъ Неопалимой Купинѣ, уже прямо свидѣтельствуютъ, что Моисей въ купинѣ видѣлъ «Богородицу съ Младенцемъ во огни стоящу и неопалиму».

«Русскіе паломники XVI ст., ходившіе на Синайскую гору, описываютъ, что въ Синайскомъ Преображенскомъ монастырѣ за алтаремъ главнаго храма находился предѣлъ надъ Неопалимою Купиною, гдѣ Моисей видѣлъ *Богородицу со Младенцемъ во огни стоящу и неопалиму*. То святое мѣсто было покрыто четыреугольною, мраморною плитою, на которой помѣщенъ былъ престолъ, «*въ немъ же вдѣланы* два камене не велики, что *опалила Неопалимая Купина*».

«Купецъ Позняковъ, въ своемъ «Хожденіи по святымъ мѣстамъ», не упоминаетъ объ иконѣ Неопалимыя Купины и указываетъ только, что въ предѣлѣ, у престола, на правой сторонѣ, на стѣнѣ, на полотнѣ было написано Моисеево *дѣяніе*, т. е. изображеніе видѣнія Моисея. Судя по его словамъ, что предѣлъ Неопалимой Купины устроенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Моисей видѣлъ Пречистую Богородицу со Младенцемъ, возможно полагать, что написанное на полотнѣ дѣяніе Моисея изображало, между прочимъ, именно икону Богородицы «во огни стоящу и неопалиму». Такъ на иконахъ Неопалимыя Купины изображается иногда и это видѣніе Моисея, созерцающаго Купину, въ которой видима Богоматерь съ Младенцемъ въ ея нѣдрахъ».

Далѣе авторъ указалъ на свидѣтельства въ такъ называемомъ Алфавитѣ Азбучномъ, т. е. сборникѣ по иконописному дѣлу, изъ которыхъ видно, что въ Московскомъ Благовѣщенскомъ Соборѣ находился надъ сѣверными дверями образъ «Неопалимая Купина», принесенный Палестинскими старцами въ даръ В. Князу Московскому въ 1390 году. Этотъ образъ Богородицы Неопалимыя Купины былъ вырѣзанъ на камнѣ. Затѣмъ, упоминается еще объ образѣ Неопалимыя Купины, принесенномъ въ царствованіе Государя, В. Князя Михаила Феодоровича, нѣкіимъ Христа ради юродивымъ, во время постройки церкви Рождества Христова на Митровкѣ».

Какъ видно, болѣе не было въ Москвѣ иконъ съ изображеніемъ Неопалимыя Купины, иначе почтенный авторъ упомянулъ бы о нихъ, хотя это и не служило главнымъ предметомъ его сочиненія. Впрочемъ, интересуетъ насъ не столько количество иконъ означеннаго наименованія, сколько самыя изображенія на нихъ,— выполненіе ученія Отцовъ Церкви *о горѣвшемъ пламени и несгоравшей Купинѣ, прообразовавшей Пресвятую Дѣву въ ея божественной, непорочной чистотѣ дѣвства.*

Въ вышеприведенной статьѣ говорится только, что купецъ Позняковъ указалъ на предѣлъ, устроенный на мѣстѣ, гдѣ Моисею явилась Неопалимая Купина и что Позняковъ видѣлъ въ этомъ предѣлѣ, на стѣнѣ, написанное на полотнѣ *Моисеево дѣяніе*; но какъ оно было изображено, объ этомъ не упоминается. Равно, свидѣтельства «Алфавита Азбучнаго» также умалчиваютъ о содержаніи изображенія «Неопалимыя Купины». Объ изображеніяхъ на таковыхъ иконахъ, находившихся въ Благовѣщенскомъ Московскомъ Соборѣ и въ Церкви на Митровкѣ, также ничего неизвѣстно. На другія, помимо этого, иконы, почтеннымъ авторомъ не указано, какъ на предметъ, не относившійся прямо къ его задачѣ. Между тѣмъ, выясненіе того, какъ наша религіозность по иконописи представляла себѣ актъ Божественнаго Промышленія, явленный Моисею въ «Неопалимой Купинѣ», по нашему мнѣнію, не менѣе знаменателенъ, какъ и вопросъ «о построеніи первой церкви на Руси въ честь Пречистой Богородицы, Неопалимой Купины».

Было ли реализорано въ иконописи *разъясненіе и ученіе Отцовъ Церкви, что горѣвшею и несгоравшею купиною прообразовалась Пресвятая Дѣва въ ея божественной, непорочной чистотѣ дѣвства,— неизвѣстно.*

До послѣдняго времени мы видѣли иконы, подъ наименованіемъ «Неопалимыя Купины», съ написаніемъ на нихъ «Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ нѣдрахъ ея», изображенной на семи или восьмиконечной звѣздѣ (безъ лучей), окруженною огненнымъ свѣтомъ. Не знаемъ, какія основанія были къ такому виду изображеній. Но, въ началѣ настоящаго года, мы пріобрѣли икону «Неопалимыя Купины», до нынѣ не виданную нами, и, по нашему мнѣнію, совершенно отвѣчающую приведенному разъясненію Отцовъ Церкви. Икона представляетъ полную картину событія (снимокъ на табл. VII). Божія Матерь изображена держащею на колѣняхъ Предвѣчнаго Младенца съ вѣтвью лилій въ правой рукѣ, и сидящею въ пламени съ поднимающимся изъ него дымомъ, исходящимъ изъ горѣвшаго куста мелкихъ вѣтвей, произросшихъ на низкомъ, какъ бы, срубленномъ толстомъ деревѣ; вокругъ пламени четыре символическія изображенія Евангелистовъ, расположенныя по два вверху и внизу; изъ нихъ символъ Евангелиста Матѳея --Ангелъ касается правою рукою одежды Богоматери, которою Она прикрываетъ дитя—Богочеловѣка. Внизу, подъ этимъ изображеніемъ въ недальнемъ разстояніи отъ горящаго куста, представленъ Моисей въ сидящемъ положеніи, снимающимъ обувь съ своихъ ногъ, по слову Господа: «не приближайся сѣмо: иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ: мѣсто бо, на немже ты стоиши, земля свята есть».

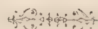
Съ другой стороны, противуположной Моисею, находится стадо овецъ, вѣроятно Іофора, тестя его, которыхъ Моисей пасъ.

Едва ли будетъ ошибкою, полагать, что описанная икона Палестинскаго происхожденія.

Н. Л.

ОТДѢЛЪ II.

ДРЕВНІЕ ПРЕДМЕТЫ.

1

2

13

12

3

4

5

6

7

8

9

10

11

Объясненіе.

Фиг. 1. Браслетъ, сдѣланный спиралью изъ красной мѣдной, узкой тесьмы, въ видѣ сплющенной, плоской проволоки, перевитой въ пять круговъ. Браслетъ этотъ, по своему виду, представляетъ свившуюся змѣю, у которой сохранился хвостъ, но голова отломана и утрачена; найденъ онъ въ 1890 г. при копаніи земли близь деревни Грищевицъ, въ 10–12 верстахъ отъ г. Канева.

Фиг. 2. Браслетъ (массивный) изъ красной мѣди. Онъ сдѣланъ въ видѣ обруча, на одномъ концѣ котораго находится шпенекъ, возвышающійся на 1/8 верш., а на другомъ концѣ дырочка равная величинѣ шпенька; при такомъ устройствѣ, браслетъ можетъ замыкаться шпенькомъ, чрезъ наложеніе на него оконечности съ дырочкой. Обручъ представляетъ тесьму, съ наложенными на него концентрическими, плотно соединенными кружками въ видѣ фигуративнаго креста, именно. въ центрѣ помѣщенъ большой кружокъ, къ которому, на равныхъ разстояніяхъ, примкнуты четыре меньшіе кружка, изъ которыхъ крайніе выдвигаются на половину за края тесьмы; крестообразныя эти фигуры, находящіяся въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, соединены рельефнымъ витымъ шнуромъ продольно по срединѣ браслета; самые же кружки сдѣланы какъ бы изъ плетенаго шнура, который идетъ въ центръ ихъ и оканчивается на верху пуговкою; края тесьмы окаймлены такимъ же шнуромъ. Браслетъ этотъ извлеченъ изъ земли въ 1891 г. въ мѣстности близь г. Канева.

Фиг. 3. Сосудъ серебрянный, въ видѣ вазочки, или вѣрнѣе, въ формѣ маленькаго потира; снаружи между гуртиками по краю чашечки и полоски, охватывающей его посрединѣ, испещренъ граверными,—вглубь,—арабесочнымъ орнаментомъ, также какъ и на поддонѣ; шейка относительно сосуда довольно длинная, съ шарообразною выпуклостію по срединѣ, окружена съ двухъ сторонъ примкнутыми къ ней согнутыми вѣтвями, на верху которыхъ, по близости къ чашечкѣ, сидятъ двѣ птички. Серебро этого сосуда очень окислилось. Едва ли будетъ ошибкою сказать, что сосудъ этотъ въ очень давнее наше Христіанское время служилъ потиромъ при напутствованіи тяжко больныхъ. Найденъ онъ въ Апрѣлѣ 1892 г. въ Кіевѣ, за оградою Софійскаго Собора, на углу Стрѣлецкой улицы, при копаніи рва для фундамента строившагося дома.

Фиг. 4 и 5. Двѣ серебрянныя позолоченныя круглыя пуговицы; на одной изъ нихъ мелкій бисерный рисунокъ, помѣщенный въ линіяхъ, раздѣляющихъ поверхность на части; на другой— украшенія изъ наложенной проволоки, которою вырисованы завитками фигуры, перемѣшанныя съ точками. Эти вещи, равно и слѣдующая (фиг. 6) найдены въ Кіевѣ, на Старомъ городѣ, въ усадьбѣ г. Шиманскаго.

Фиг. 6. Медальенчикъ съ ушкомъ, изъ красной мѣди. Поверхность его (лицевая сторона) выложена, въ видѣ фресковой фигуры, витою проволокою; оборотная сторона гладкая.

Фиг. 7 и 8. Двѣ золотыя однообразныя серги: Верхняя часть ихъ состоитъ изъ дужки (полукольца), прикрѣпленной однимъ концомъ къ нижней, также дугообразной подвѣскѣ, шалнеромъ, другимъ же своимъ концомъ замыкается съ привѣскою. Нижняя часть или привѣска плотно обвита по дугѣ проволокою, на которой расположены три фигуры, сдѣланныя изъ витой проволоки, въ видѣ прорѣзныхъ, угловатыхъ шариковъ, состоящихъ изъ витыхъ звѣздообразныхъ квадратиковъ съ шариками на углахъ. Въ общемъ эти насадки, надѣтыя на дужку, представляютъ усѣченные по угламъ кубики ажурной работы; работа ихъ очень тонкая-искусная. Вещи эти принадлежатъ Великокняжеской Кіевской эпохѣ; найдены въ Кіевѣ на Трехсвятительской улицѣ, въ усадьбѣ, принадлежащей нынѣ Инженеру Кривцову. Мѣстность эта, по археологическимъ признакамъ, предполагается за ту, гдѣ находился Великокняжескій дворъ. Вѣсъ этихъ серегъ 3 1/2 золотника.

Фиг. 9. Привѣска серебрянная, значительно окислившаяся. Она составлена изъ трехъ прорѣзныхъ звѣздъ, соединенныхъ въ одно цѣлое; въ центрѣ каждой изъ звѣздъ находится по камню краснаго цвѣта, въ родѣ граната, а на мѣстѣ

соединенія ихъ вставленъ бѣлозеленоватый, гладкій камень. Найдена эта вещь въ усадьбѣ г. Шиманскаго, на Старомъ городѣ.

Фиг. 10. Серга,—нижняя часть ея,—серебрянная, позолоченная. На дужкѣ, плотно обвитой проволокою, надѣты три шарика, съ насаженными на нихъ изъ тонкой проволоки кружками, въ которыхъ расположены звѣздо-крестообразныя линіи изъ тонкой проволоки, съ бусинами въ ихъ центрѣ; на концахъ дужки, съ одной стороны мѣсто для шалнера, а съ другой—для замыканія верхняго полукольца. Эта серга, также, какъ и предыдущія (фиг. 7 и 8), составляли предметъ украшенія въ Великокняжеское время, т. е. до XIII в.; найдена она въ раскопкахъ на Княжей горѣ Каневскаго уѣзда.

Фиг. 11. Двѣ бляшки—насадки на поясъ или кушакъ, серебрянныя, позолоченныя, найдены тамъ-же.

Фиг. 12. Цилиндрическій желѣзный замокъ особаго устройства. Внѣшность этого замка представляетъ большой цилиндръ; сверху и снизу на немъ по два пояска, соединенныхъ проложенными, по длинѣ цилиндра, полосками въ видѣ шнура, между которыхъ находятся другія полоски съ горошинками, а оставленная между нихъ плоскость украшена вьющимися линіями; съ одной стороны цилиндра придѣлана къ нему, какъ бы, круглая ножна, служащая для помѣщенія въ ней дуги, назначенной для продѣванія въ пробой при запираніи. Дуга эта другимъ своимъ концомъ входитъ въ цилиндръ чрезъ отверстіе на верху его, и внутри зажимается пружинами безъ употребленія ключа; послѣдній служитъ только для отпиранія; онъ вкладывается въ нижнее отверстіе цилиндра, чрезъ особо сдѣланный на концѣ его съ бока прорѣзъ, и напоромъ ключа снизу вверхъ на внутреннія пружины прижимаетъ ихъ къ стѣнкамъ, и тѣмъ освобождаетъ отъ задержанія внутри конецъ запиральной дужки. Замокъ этотъ найденъ на Княжей горѣ.

Фиг. 13. Ключъ желѣзный отъ замка вышеуказаннаго устройства. Въ общемъ, онъ представляетъ собою видъ вилки съ ручкой, на которой находится закругленіе съ продѣтымъ въ него кольцомъ. Зубья, идущіе отъ ручки (два), прямые, толстые, по длинѣ равняющіеся протяженію цилиндра (т. е. замка); концы ихъ оканчиваются горизонтально-прикованнымъ къ нимъ овальнымъ кольцомъ, съ выемкою у него снаружи углубленій, примѣнительно къ механизму замка. Этотъ овальный кружокъ вводится въ цилиндръ чрезъ нижнее отверстіе и, нажимомъ тамъ на пружины, освобождаетъ отъ зажатія вложенную въ замокъ дужку, которая, затѣмъ, свободно вынимается.

Н. Л.

ОТДѢЛЪ III.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О значеніи Археологіи въ открытіи первыхъ слѣдовъ Христіанства у Славяно-Руссовъ.

По Начальной Кіевской лѣтописи, Византійскимъ памятникамъ и свидѣтельствамъ, утвердилось у насъ убѣжденіе, что первыя проявленія Христіанства въ Кіевской Руси выразились въ Св. крещеніи — въ Христіанскую вѣру князей Аскольда и Дира; за тѣмъ, почти чрезъ столѣтіе,—въ принятіи Христіанской вѣры Св. Вел. княгинею Ольгою, и наконецъ, въ мученичествѣ Ѳеодора и Іоанна, какъ въ предвѣстникѣ торжества Церкви Христовой надъ язычествомъ, которое совершилось обращеніемъ Св. Вел. князя Владиміра изъ язычества въ Христіанство, и—послѣдовавшимъ, за симъ, крещеніемъ всей Руси, носившей названіе Великаго княжества Кіевскаго. Но упомянутыя проявленія *зачатковъ* Христіанства, начинающихся съ Аскольда и Дира, нельзя считать *первичными* въ тѣсномъ значеніи этого слова, а *поступательными*, берущими свое начало изъ болѣе далекаго прошлаго. Что это такъ, а не иначе, то съ убѣдительностію говоритъ за это давность Скифа-Славянина на Кіевской территоріи, который не могъ не видѣть Св. Первозваннаго Апостола Андрея. Въ небольшомъ, нашемъ сочиненіи «о началѣ Славяно-Руси» (Кіевъ 1892 г.), на основаніи историческихъ данныхъ и памятниковъ, мы показали, что Гетъ-Скифъ-Славянинъ-Росъ находился поселенцемъ на берегу р. Днѣпра въ Кіевской мѣстности, еще въ I вѣкѣ по Р. Х., прибывшій сюда изъ Припонтійскаго Гетскаго или Дакскаго царства, разрушеннаго Римлянами (или одно и тоже Волохами). Этотъ поселенецъ прибылъ изъ страны, гдѣ по морскому побережью раздавалась Апостольская проповѣдь о Христѣ и зажигался Апостолами Евангельскій свѣтъ въ существовавшемъ тамъ мракѣ язычества, и который исчезалъ отъ соприкосновенія съ нимъ. Этотъ переселенецъ, если и не слышалъ на своей родинѣ Апостольскаго слова, то впослѣдствіи, когда онъ вступилъ въ торговыя или мѣновыя сношенія съ одноплеменниками своими, или съ бывшими сосѣдними ему народами, обитателями прибрежныхъ мѣстъ по Черному морю, то могъ, какъ новость, слышать отъ нихъ о новомъ религіозномъ теченіи—Христіанскомъ; онъ могъ не быть христіаниномъ, но не могъ не слышать о христіанахъ. Что эти сношенія Кіевскаго поселенца существовали въ I в. по Р. Х., то онъ оставилъ въ доказательство этого свое богатство изъ Римскихъ монетъ, сокрывъ его для потомства въ кладахъ.

Мы упомянули о первоначальныхъ проявленіяхъ Христіанства у Славяно-Россовъ въ IX в., указавъ на св. крещеніе Аскольда и Дира; но едвали кто будетъ утверждать, что принятіе ими Христіанской вѣры было лишь какою-то случайностію, въ родѣ того, какъ перемѣна стараго изношеннаго костюма на новый, при встрѣтившемся благопріятномъ для того случаѣ? Въ дѣлѣ совѣсти, въ дѣлѣ исповѣданія вѣры, не мыслима такая легкость дѣйствія: язычникъ также твердо держался въ своей вѣрѣ, какъ и вообще человѣкъ, убѣжденный въ извѣстной истинѣ. Слѣдовательно, едва-ли можно отрицать полную вѣроятность того, что Аскольдъ и Диръ, прежде обращенія въ Христіанскую вѣру, давно уже слышали о Христѣ, давно пришельцы изъ Припонтійскихъ мѣстъ своими разсказами объ истинномъ Богѣ, поселили въ нихъ думу и раздумье о спасеніи и жизни вѣчной. Крещеніе ихъ было лишь увѣнчавшимся исполненіемъ того, чего давно ожидали ихъ души. Этотъ взглядъ на первое проявленіе Христіанства у Славяно-Руссовъ,—въ лицѣ Аскольда и Дира,—обязываетъ насъ искать *зачатія* христіанства въ гораздо болѣе раннемъ періодѣ Христіанской эры, чѣмъ въ IX столѣтіи. Конечно, мы высказали это, какъ гипотезу, основанную на логическомъ наведеніи, — положеніе безъ утвердившейся подъ нимъ почвы; но, въ виду того, что кромѣ суцествующаго, подлежащаго осязательности, *есть существующее*—несомнѣнное, уловляемое только умомъ, а тѣмъ не менѣе признаваемое за несомнѣнное бытіе, беремъ

приведенную гипотезу, какъ затерявшійся фактъ и дѣлаемъ попытку отыскать къ этому факту слѣды въ пробѣлахъ лѣтописцевъ и вызвать въ доказательство его существованія свидѣтелей изъ нѣдръ земли.

Въ лѣтописныхъ сказаніяхъ видимъ, что авторами ихъ обойдены факты зачатія Христіанства у Славяно-Руссовъ, хотя нельзя при этомъ отвергать, чтобы они не были подразумѣваемыми. Слѣдуя практиковавшемуся до сего времени пріему историковъ, не оставалось бы ничего болѣе, какъ вопросъ *о зачатіи Христіанства у насъ* пройти совершеннымъ молчаніемъ, но, благодаря современнымъ успѣхамъ въ области знаній, можетъ въ настоящемъ положеніи оказать намъ помощь въ этомъ трудномъ дѣлѣ *археологія*, этотъ голосъ изъ нѣдръ земли, открывающій тайны прошедшихъ тысячелѣтій и вѣковъ. Къ ней мы и обратимся.

Но здѣсь предстоитъ намъ другая задача къ разрѣшенію. Прежде, нежели будемъ черпать изъ археологіи доказательства, относящіяся къ нашему предмету, мы должны удостовѣриться: надежный ли это источникъ? Должны это сдѣлать потому, что въ послѣднее время, не только люди не спеціалисты дѣла, смотрящіе на предметъ болѣе или менѣе поверхностно, но даже мужи ученые, какъ даетъ это заключить о нихъ носимое ими званіе профессора, стремятся отнять у археологіи всякое ея значеніе, низводя изученіе ея чуть-ли не ниже ремесла; а вслѣдствіе этого, издѣваются даже надъ тружениками въ этой области науки.

Въ послѣдніе годы выступили бойцами—порицателями нашей отечественной археологіи г.г. профессора Духовныхъ Академій: Кіевской П. Линицкій и Московской А. Бѣляевъ. Первый открылъ походъ противъ Археологіи въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 19, въ отдѣлѣ «понятіе о наукѣ», а второй, въ отдѣльномъ своемъ сочиненіи: «Характеристика археологіи». Харьковъ 1890 года. Общій взглядъ обоихъ г.г. профессоровъ на археологію, болѣе или менѣе, въ общемъ сходенъ: они никакимъ образомъ не желаютъ допустить того, чтобы археологія легла въ основу для науки о первобытномъ человѣчествѣ; тотъ и другой въ этомъ своемъ отрицаніи исходятъ отъ одного и того же положенія, именно, изъ общаго вопроса: *что такое наука?* и поступаютъ съ нимъ такимъ образомъ: ведутъ его по начертаннымъ ими заоблачнымъ путямъ, производятъ въ своей экскурсіи различныя, яко бы, измѣренія въ области наукъ, и въ концѣ концовъ своего путешествія обрѣтаютъ мѣрку (въ родѣ аршина или французскаго метра). Мѣрка эта, по ихъ убѣжденію, *равна непреложной истинѣ*, и ее-то эти г. г. ученые примѣняютъ, какъ маштабъ, ко всему, что носитъ названіе науки, и, если которая либо изъ наукъ не измѣряется этимъ маштабомъ, то выбрасываютъ ее изъ списка наукъ, какъ самозванца. Этимъ-то способомъ оба профессора и дошли до невозможныхъ взглядовъ на значеніе археологіи: г. Линицкій глубоко убѣдился, что археологія есть не болѣе того, какъ безцѣльное занятіе, а труженики въ этомъ дѣлѣ не представляютъ собою ничего болѣе, какъ людей, убивающихъ безполезно время и свои средства, пригодныя для болѣе полезныхъ цѣлей. Г. Бѣляевъ не только не допускаетъ ничего научнаго въ археологіи, но даже не даетъ самымъ предметамъ археологіи значенія памятниковъ и свидѣтелей прошлаго, пережитаго человѣчествомъ; у него взглядъ на археологію, взглядъ космополита-пессимиста: у него, во первыхъ, областная и даже отдѣльнаго государства (безъ всемірности) археологія ничего не можетъ сказать намъ о быломъ человѣка, и во-вторыхъ, по его мнѣнію, до сего времени до-историческихъ археологическихъ предметовъ не найдено ни одного; то, что мы считаемъ до-историческимъ, и съ чего начинаемъ слѣдить за судьбами и ростомъ человѣка, какъ-то: каменныя орудія, онъ находитъ ихъ чуть-ли не современными, или, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ давними; по этому, онъ съ апломбомъ представляетъ свой протестъ противъ доисторичности каменныхъ орудій, говоря, что такія орудія и въ настоящее время въ употребленіи у дикарей въ Бразиліи изъ племени Индійцевъ, также въ Чили и Патагоніи *).

Нѣтъ слова, что взгляды на археологію обоихъ профессоровъ, и г. Линицкаго и г. Бѣляева оригинальны; болѣе же этого сказать о нихъ нельзя. Но достаточно-ли одной только оригинальности, для оцѣнки чего бы-то не было, а въ особенности въ сферѣ научной? они могутъ торжествовать мнимую свою побѣду надъ непріятными имъ науками, надъ дѣятелями въ области

*) Этотъ выводъ г. Бѣляева доказываетъ, къ какимъ нелѣпымъ заключеніямъ можно приходить, основываясь на единичныхъ или случайныхъ данныхъ. Здѣсь онъ взялъ особенность примитивнаго состоянія горсти дикарей и дошелъ до убѣжденія, что каменныя орудія, которыми они пользуются, суть орудія, входящія въ число современныхъ, и слѣдовательно, ископаемыя каменныя орудія не свидѣтели культуры до-историческаго человѣка. Трудно понять эту односторонность! Такой только взглядъ на предметъ можетъ приводить къ такимъ нелѣпымъ выводамъ. До сихъ поръ нашъ крестьянинъ, при употребленіи пищи за столомъ, не пользуется ни тарелкою съ салфеткой, ни вилкою, которую замѣняетъ пальцами руки. Ужели слѣдуетъ видѣть въ немъ того-же Скифа-Славянина, который также не имѣлъ понятія о столовой вилкѣ? Другая параллель: На основаніи того, что въ Финляндіи, на скалистыхъ островахъ еще до сихъ поръ не образовался такой же толщины слой почвы, какъ въ другихъ мѣстахъ Имперіи, ужели можно приходить къ выводу, что наша планета очень недавняго образованія, потому, что въ Финляндіи только что образуется почва? Не то же ли самое это, что по горсти дикарей заключать о культурѣ человѣчества?

археологіи, даже презирать ихъ; но что же изъ этого? Ихъ слово далеко не приговоръ, они только бьютъ на оригинальность—эффектъ, и отъ того не слѣдуетъ археологіи тревожиться отъ недоброжелательности ей названныхъ ученыхъ мужей. Въ самомъ дѣлѣ, читая предложенные г.г. Линицкимъ и Бѣляевымъ взгляды на науку вообще, и въ частности на археологію, можно,—не роясь въ прошедшемъ,—увлекаться за ними; но эта иллюзія тотчасъ же пропадаетъ, когда вы ближе ознакомитесь съ ихъ взглядами; вы увидите, что они даже не только не новы, но и не оригинальны; увидите, что они только подражаютъ прежде ихъ бывшимъ порицателямъ разныхъ отраслей наукъ изъ числа общей научной сферы; а извѣстно, что цѣна копіи очень мала по сравненію съ оригиналомъ. Еще наши отцы слышали и читали, что Медицина, естественныя и др. науки не суть науки, такъ какъ онѣ не подходятъ къ составленному опредѣленію, «что такое наука»? однако, кто же въ настоящее время выступитъ съ протестомъ противъ признанія науками означенныхъ научныхъ предметовъ. Такія философскія опредѣленія, какъ опредѣленія г. Линицкаго, всегда увлекаютъ за предѣлы должнаго *).

Имѣли-бы еще нѣкоторое право г.г. Линицкій и Бѣляевъ указывать на недостатки въ нашей отечественной археологіи, на ея еще молодость—на незаконченность въ научномъ смыслѣ, на ея малую систематичность, на ея разрозненность въ разработкѣ древностей, препятствующую дистиженію цѣльной системы въ строгомъ смыслѣ науки, и отнимающую, тѣмъ самымъ, у ней принадлежащее ей мѣсто; но даже и это было бы ей упрекомъ незаслуженнымъ. Отъ нашей археологіи какъ науки, еще слишкомъ молодой у насъ, нельзя требовать колоссальнаго научнаго сооруженія, которое возможно построить тогда только, когда уже изготовлены отдѣльными мастерами требующіеся матеріалы, имѣющіе войти въ составъ его. Наша археологія еще не окончила изготовленія этихъ матеріаловъ, хотя, въ тоже время, нѣкоторыя составныя части общаго зданія уже значительно подготовила, а это—не малая уже заслуга ея; не могутъ усматривать ее только витающіе въ облакахъ.

*) Если относиться отвлеченно къ понятію о « аукѣ»,—какъ это и дѣлаетъ г. Линицкій,—то изъ этого выйдетъ, что науками, въ собственномъ, точномъ смыслѣ, должны быть признаны однѣ тѣ науки, которыя имѣютъ въ своей основѣ непреложную, непоколебимую истину, не разсшатываемую ни временемъ, ни цивилизаціей, измѣняющей взг..яды и убѣжденія человѣчества; только должны быть признаны науками тѣ, въ основѣ которыхъ стоитъ не поколебимая истина, которая ими (науками) систематически развивается и обращается въ рычагъ, двигающій человѣчество къ усовершенствованію. Такихъ наукъ двѣ: Богословіе для христіанина и математика; остальныя же науки, или только носящія названіе наукъ (какъ это выходитъ по теоріи г. Линицкаго) суть предметы знаній, составляющіе только матеріалъ для науки. Видимое дѣло, что здѣсь играетъ роль одна схоластика.

Пусть г.г. философы изъ области умозрѣній спустятся въ міръ реальности и тогда увидятъ воочію и уразумѣютъ, что такое памятникъ древности, *что такое археологія*. Легко они могутъ узнать это изъ прежнихъ открытій археологическихъ, а нынѣ изъ содѣйствія археологіи къ разрѣшенію занимающаго насъ вопроса «о начальныхъ признакахъ Христіанства у Славяно-Руссовъ.

Такое отступленіе отъ прямаго вопроса мы должны были слѣлать, чтобы уяснить, что именно археологія, преимущественно предъ прочимъ, дастъ намъ помощь въ предпринятомъ нами дѣлѣ; а что касается пропаганды о безсиліи и безполезности археологіи, то ее отвергаетъ всякій здравый смыслъ, и тѣ историческія открытія, которыя сдѣланы при содѣйствіи ея. Послѣднее, надѣемся, подтвердится участіемъ ея въ нашемъ дѣлѣ.

И такъ, обращаемся къ своему вопросу. Въ немъ конечно мы не пойдемъ за г.г. Линицкимъ и Бѣляевымъ; иначе, слѣдуя теоріи перваго, пришлось бы вовсе закрыть свѣтъ, вносимый въ нашу исторію изслѣдованіями древнихъ памятниковъ, а слѣдуя теоріи втораго, неизбѣжно было-бы похоронить все мѣстное, областное, носящее названіе предметовъ древности, перешедшихъ къ намъ отъ прошлаго человѣчества, и не знать, какими путями оно подготовило ту цивилизацію, которая намъ, въ прогрессивномъ ея теченіи, сравнительно, уже не особенно трудно достается (въ стремленіи) по расчищенной дорогѣ.

I.

Первые признаки Христіанства у Славяно-Руссовъ, по крайней мѣрѣ на Кіевской территоріи, слѣдуетъ искать почти одновременно съ христіанствомъ въ Херсонессѣ и вообще въ областяхъ на Черноморскомъ побережьѣ, именно, начало христіанства въ Кіевѣ должно относить не къ IX, а къ I в. христіанской эры. Это подтверждаютъ частію Начальная Кіевская лѣтопись *) и частію памятники, сохранившіеся до насъ въ нѣдрахъ земли, и въ послѣднее время извлеченные изъ раскопокъ; что даетъ возможность гипотезу о началѣ христіанства на Руси въ I в. признать за несомнѣнный фактъ. Но прежде, нежели говорить о христіанинѣ Скифѣ-Россѣ въ Кіевѣ, въ I в. по Р. Х., мы должны доказать, что онъ именно въ это

*) Лѣтописи, какъ древніе памятники, относимъ къ предметамъ археологическимъ и здѣсь приключаемъ къ Археологіи.

время уже обиталъ на Кіевской территоріи. Обратимся для этого къ изслѣдованіямъ.

Профессоръ Д. Самоквасовъ, въ своей Исторіи Русскаго права, на основаніи хода событій, повѣствуемыхъ лѣтописцами, различаетъ двѣ эпохи Славянской колонизаціи въ Европѣ: древнѣйшую—до нашествія Волоховъ на Славянъ Дунайскихъ, когда Славяне жили въ Южныхъ областяхъ Европы и назывались у Грековъ Скифами, и позднѣйшую—послѣ нашествія *Волоховъ*, когда Славяне двинулись изъ своей прародины въ центральныя области Европы, гдѣ они, въ различныхъ мѣстностяхъ, назывались различными новыми именами.

Примѣчаніе. Здѣсь, подъ именемъ Волоховъ, согласно лѣтописи Нестора, г. Самоквасовъ признаетъ *Римлянъ-Итальянцевъ*. Также въ Волохахъ видятъ Римлянъ и другіе историки (Болгаринъ св. Климентъ и З. Копыстенскій).

Въ областяхъ, между нижнимъ теченіемъ Днѣпра и нижнимъ теченіемъ Дуная, образовалась сильная держава изъ пришедшихъ туда Славянъ изъ Скифскаго племени: Сарматовъ и Скифовъ-Сколотовъ подъ главенствомъ племени, называвшагося у Грековъ Гетами, а у Римлянъ Даками, которая достигла въ I в. по Р. Х. могущества, угрожавшаго Римлянамъ, и вслѣдствіе этого, Императоромъ Августомъ (въ началѣ I в.) была начата война съ Гетами, которою хотя онъ и не достигъ покоренія Гетскаго царства, но, тѣмъ не менѣе, его военачальниками Эліемъ Коттомъ и Тиверіемъ Сильваномъ было уведено Гетовъ въ плѣнъ и рабство до 150 тыс. человѣкъ. Окончательно же разгромлено это царство при Траянѣ (въ I в.) и обращено въ Римскую провинцію подъ именемъ Дакіи. Эти событія въ связи съ тѣмъ, что Римляне съ побѣжденными народами поступали не иначе, какъ мужскую часть народонаселенія, способную носить оружіе, истребляли, изгоняли, переселяли и уводили въ неволю, естественнымъ образомъ заставляли мирныхъ обитателей Гетскаго царства бѣжать отъ захвата ихъ Римлянами и скрываться, стремясь по теченію рѣкъ, въ мѣстности отдаленныя, глухія, не вѣдомыя Римлянамъ и считавшіяся ими необитаемыми. Бѣглецы такъ и поступали, и по Днѣпру достигали Кіевской территоріи, гдѣ находили одну изъ благопріятныхъ мѣстностей для своего поселенія, вполнѣ удовлетворявшую требовавшимся тогда жизненнымъ условіямъ и безопасную отъ власти Римлянъ, такъ какъ, по свидѣтельству Геродота, страны, куда включается и Кіевская область, считались Римлянами только возможными для обитанія на нихъ звѣря, но не человѣка.

Эта гипотеза настолько близка къ истинѣ, что видится въ ней дѣйствительное фактически-совершившееся событіе; этому находимъ подтвержденіе у современныхъ историковъ, по свидѣтельствамъ которыхъ, многія Дакійскія племена (тѣ-же Гетскія), убѣгая отъ Римскаго рабства, оставили свою родину и выселились за Карпаты *). Подтверждаетъ это и нашъ лѣтописецъ Несторъ, повѣствуя: «когда же Волохи (Римляне-Итальянцы) покорили *Славянъ Дунайскихъ,* поселились «между ними и стали притѣснять ихъ, то часть «Славянъ выселилась на Вислу,' назвалась тамъ «Ляхами, а изъ этихъ Ляховъ одни назвались «Полянами, другіе Лутичами, иные Мазовшанами, «иные Поморянами. *Такіе-же Славяне пришли и «поселились по Днѣпру и назвались Полянами, а другіе Древлянами»*.

Изъ этого видно, что нашъ лѣтописецъ также указываетъ на поселеніе Славянъ по Днѣпру одновременно съ покореніемъ Римлянами Гетскаго, т. е. Дакійскаго царства въ половинѣ I в. по Р. Х., и на колонизацію Славянъ на Кіевской территоріи по Днѣпру, принявшихъ наименованіе Полянъ и Древлянъ.

Здѣсь, вопреки г.г. Линицкому и Бѣляеву, сослужитъ намъ службу «археологія»; она докажетъ фактически, что дѣйствительно повѣствованіе лѣтописца (когда-то оспариваемое Шлецеромъ) *истинно,*—что Скифъ-Славянинъ несомнѣнно жилъ въ I в. по Р. Х., въ мѣстности Кіева, *поселившись по Днѣпру.* Это неподкупное свидѣтельство даютъ намъ два клада, состоящіе изъ Римскихъ монетъ, найденные въ послѣдней четверти нынѣшняго столѣтія въ Кіевѣ. Хотя открыто пока въ Кіевѣ только два клада, вмѣщающіе въ себѣ Римскія монеты, но, нѣтъ сомнѣнія, что это не единственныя находки; это только тѣ, которыя сдѣлались извѣстными, прочія же, ускользнувшія отъ археологовъ, тайно сбыты въ ломъ на переплавъ въ металлъ, или разошлись по разнымъ рукамъ, безъ всякихъ свѣдѣній о мѣстѣ ихъ находки. Въ такомъ мнѣніи утверждаетъ то, что намъ неоднократно были предложены, въ разное время, разными продавцами Римскіе денары I и II в. в., каждый разъ небольшими количествами, даже неочищенные еще отъ наплыва и осадковъ ржавчины, съ объясненіемъ, что они найдены на Подолѣ или при воздѣлываніи огородныхъ грядъ, или при рытьѣ канавъ для фундаментовъ при постройкахъ и проч. Но и двухъ наличныхъ кладовъ, при извѣстности мѣста ихъ находки, достаточно для подтвержденія несомнѣнности, что въ Кіевѣ, въ мѣстности Подола невдалекѣ отъ Днѣпра, жили въ I, II, III и IV в. в. люди, и уже настолько

*) Д. Самоквасовъ. Истор. Русск. пр., кн. I ст. 84.

достигшіе значительнаго развитія, что знали цѣну деньгамъ, обладали средствами для пріобрѣтенія ихъ и тщательно хранили ихъ, скрывая въ землю отъ похищенія ихъ хищникомъ—недругомъ.

Скажемъ нѣсколько словъ, изъ какихъ именно монетъ состоятъ эти клады.

Въ 1876 году, въ Плоской части Кіева, на усадьбѣ г. Магурина, вблизи такъ называемой «канавы» вынуто изъ земли 59 денаровъ, относящихся къ царствованіямъ Римскихъ императоровъ: Филиппа, Траяна-Децiя, Валеріана, Галліена (244—268), Максимина II, Дазы, Константина I, Копетанція II и Прокопа (306—368).

Въ 1887 г., въ Кіевѣ на Подолѣ, въ усадьбѣ, примыкающей къ Кириловскимъ богоугоднымъ заведеніямъ, извлеченъ значительный кладъ, но большая часть его была расхищена рабочими. Изъ этого клада сохранилось 35 денаровъ, принадлежащихъ царствованіямъ Римскихъ императоровъ: Веспасіана (69—79), Домиціана (81—96), Нервы (96 —98), Адріана (117—138), Антонина Пія (138 -161), М. Аврелія (161—180), Коммода (177 -192).

Въ заключеніе скажемъ, что въ этихъ кладахъ мы не можемъ не видѣть воскресшихъ мертвецовъ Скифовъ-Савроматовъ-Сколотовъ-Гетовъ-Дакійцевъ-Славянъ, будущихъ Россовъ; отъ нихъ мы имѣемъ эти денары; безъ этого мы не повѣрили бы имъ, что они тутъ жили въ I, II, III и IV в.в. по Р. Х.

II.

Переходимъ къ главному нашему вопросу: были-ли изъ числа тѣхъ поселенцевъ-Славянъ хотя единицы, которыя, по просвѣщеніи Евангельскимъ свѣтомъ,—были обращены въ христіанскую вѣру?

До сихъ поръ не открыто вещественныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о зачатіи Христіанства у этихъ новопоселенцевъ въ Кіевѣ съ I в., а извлеченные изъ земли христіанскія реликвіи (о которыхъ скажемъ ниже) даютъ основаніе приходить къ убѣжденію о существованіи христіанъ въ Кіевѣ въ V и VI в.в. Даже тотъ единственный источникъ, который могъ-бы намъ отвѣтить на вопросъ: было-ли христіанство въ Кіевѣ въ I вѣкѣ,—именно лѣтопись Нестора, не даетъ окрытаго отвѣта на этотъ вопросъ. Послѣ этого, казалось бы, что мы лишены всякихъ основаній для указанія на зачатіе христіанства въ Кіевѣ въ I в. по Р. Х.; но, въ дѣйствительности, это далеко не такъ, вотъ почему: Повѣсть Нестора о посѣщеніи Св. Первозваннымъ Апостоломъ Андреемъ до сихъ поръ была принимаема только за случайный, поверхностный разсказъ, котораго все значеніе ограничивалось благословеніемъ Апостола Кіевской, наднѣпровской возвышенности и пророчествомъ его объ основаніи въ томъ мѣстѣ великаго города съ многими церквами. Но, если мы обратимъ вниманіе на весь ходъ этого событія и на сопровождавшія его обстоятельства, то увидимъ здѣсь нѣчто большее, а не ту случайность дѣйствія Апостола, которая передается внѣшнею формою разсказа. На самомъ-же дѣлѣ подъ этою внѣшностію разсказа скрытъ опредѣленный отвѣтъ на предложенный нами вопросъ; онъ откроется намъ, если только мы устранимъ изъ него предполагаемую случайность разсказа о событіи и вникнемъ во внутреннюю связь того, что по разсказу лѣтописи сдѣлано св. Апостоломъ Андреемъ, во время остановки его на Кіевскихъ холмахъ. Лѣтопись передаетъ это событіе такъ. «Ондрѣю учащу въ «Синопіи и пришедшю ему въ Корсунь увѣдѣ яко «изъ Корсуня близь устье Днѣпрьское, и въсхотѣ «поити въ Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрьское, «и оттоле поиде по Днѣпру горѣ, и по *приключаю* «приде и ста подъ горами на березѣ. И заутра «въ ставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: «видители горы сия? яко на сихъ горахъ возсіяетъ «благодать Божья; имать градъ великъ быти и «церкви многи Богъ вздвигнути имать. И вшедъ «на горы сия, благослови я и постави крестъ и помоливъся Богу и сълѣзъ съ горы сия, иде же «послѣ же бысть Киевъ и поиде по Днѣпру горѣ».

Въ переводѣ на Русскій языкъ, читается такъ: Первозванный Ап. Андрей, проповѣдывая Евангеліе въ Синопіи, пришелъ въ Корсунь (Херсонессъ), гдѣ увидѣлъ, что не вдалекѣ отъ него находится устье (жерелъ) р. Днѣпра, впадающаго въ Черное море. Это (въ связи съ предыдущими его мыслями) возбудило желаніе Св. Апостола отправиться въ Римъ *), и онъ по Днѣпровскому устью вошелъ въ Днѣпръ и направился по нему вверхъ. Такимъ образомъ, идущему Апостолу по Днѣпру встрѣтилась *непредвидѣнная надобность* остановиться на мѣстѣ (именно тамъ), гдѣ настоящій г. Кіевъ и выйти на берегъ; по прошествіи же ночи, утромъ поднявшись на ноги и обратившись къ бывшимъ съ нимъ его ученикамъ,

*) Почему именно этимъ окружнымъ путемъ, а не болѣе краткимъ, чрезъ Византію, пошелъ Апостолъ, не пояснено лѣтописцемъ; но здѣсь одно можно утверждать, что онъ имѣлъ побудительныя причины избрать *этотъ* далекій путь, а не *другой*. Должно сказать еще, что самое путешествіе Св. Апостола Андрея въ Римъ давало противникамъ лѣтописи Нестора поводъ даже заподозривать достовѣрность ея, на томъ основаніи, что Апостолу не было надобности быть въ Римѣ, такъ какъ Римъ не былъ удѣломъ его проповѣди. Очевидно, это возраженіе крайне одностороннe: Апостолъ могъ желать быть въ Римѣ по многимъ умалчиваемымъ лѣтописцемъ и даже не открытымъ самимъ Апостоломъ причинамъ, напримѣръ: онъ могъ желать видѣть тамъ своего брата Апостола Петра, а можетъ быть и Апостола Павла, и обмѣняться воззрѣніями на дѣло проповѣди язычникамъ и проч.

произнесъ: видите-ли эти горы? на нихъ возсіяетъ Благодать Божія, будетъ тутъ великій городъ и будетъ воздвигнуто въ немъ множество церквей. Послѣ этого, Апостолъ поднялся съ берега на эти горы и, благословивъ ихъ, поставилъ на нихъ крестъ; за тѣмъ, помолившись Богу, *спустился съ нихъ* и поплылъ далѣе вверхъ по Днѣпру.

Разберемся нѣсколько въ этомъ сказаніи. Св. Апостолъ Андрей предпринимаетъ путешествіе въ Римъ и избираетъ для этого путь вверхъ по Днѣпру. Здѣсь знаменательно то, что не одинъ онъ отправляется въ путь, а беретъ съ собою и своихъ учениковъ. Если бы цѣлію его путешествія былъ собственно одинъ Римъ, то ему не было бы надобности въ спутникахъ, для которыхъ ни чѣмъ не вызывалась надобность сопутствовать ему, безъ личной надобности для нихъ самихъ; а между тѣмъ, они сопутствуютъ Апостолу. Какая-же могла быть причина этому? Очевидно, что у Апостола Андрея съ путешествіемъ въ Римъ была связана другая, не менѣе важная цѣль, даже, быть можетъ, послѣдняя и заставила его избрать этотъ кружный, далекій путь на Римъ. Всматриваясь въ положеніе дѣла, не можемъ не видѣть здѣсь, что съ путешествіемъ Апостола въ Римъ соединена была проповѣдь Евангелія тѣмъ племенамъ, которыя могли встрѣтиться по предпринятому имъ пути, и если бы обстоятельства потребовали оставить у нихъ учителей Слову Божію, или назначить одного изъ своихъ учениковъ для Благовѣстія въ скрытыхъ по пути поселеніяхъ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что путешествіе Апостола Андрея въ Римъ, какъ видно по самому ходу событія, было соединено съ Евангельскою проповѣдью язычникамъ. Если лѣтописецъ не упоминаетъ объ этомъ, то потому собственно, что онъ взялъ прямо очень важный моментъ событія, который, по своей грандіозности, все второстепенное не выдающееся наглядно, оставилъ за собою уже не тронутымъ. Впрочемъ, отчасти сдѣлано даже лѣтописцемъ нѣкоторое указаніе на это, какъ то увидимъ далѣе. Лѣтописецъ говоритъ: *«и по приключаю пріиде* (Св. Ап. Андрей) *и ста подъ горами на березѣ»*. Иначе говоря, Св. Апостолъ, пришедъ къ мѣсту, гдѣ горныя Кіевскія возвышенности, остановился при березѣ на Днѣпрѣ, въ виду этихъ возвышенностей, и остался до утра (какъ это видно изъ дальнѣйшаго повѣствованія). Причиною этой внезапной остановки Апостола, какъ поясняетъ лѣтопись, былъ приключай—*непредвидѣнное обстоятельство*. Но какое же именно обстоятельство остановило его?

Исходя изъ предыдущаго,—изъ указанія на цѣль путешествія Апостола для проповѣди язычникамъ или дикимъ племенамъ, едва ли будетъ съ нашей стороны ошибкой, если скажемъ, что «приключай» заставившій Апостола остановиться, заключался въ томъ, что онъ усмотрѣлъ по берегу Днѣпра жилища людей, состоящія изъ рыбачьихъ шалашей или вообще изъ прикрытій отъ непогоды. Онъ принесъ имъ слово о Христѣ Искупителѣ, и сѣялъ его въ сердца ихъ до утра *). Другой причины для Апостола провести тамъ всю ночь не было. Далѣе лѣтопись говоритъ: «и за «утра вставъ (Св. Ап. Андрей) рече къ сущимъ съ «нимъ ученикомъ, видите-ли горы сія, яко на сихъ «горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать быти «градъ великій и церкви многи имать Богъ воз«двигнути».

Не можетъ быть того, чтобы это пророчество не имѣло никакой связи съ предыдущими обстоятельствами, не исходило, какъ послѣдствіе изъ предшествующаго событія, указывая, въ тоже время, на имѣющее совершиться въ будущемъ? Пророчество могло быть возвѣщено только въ такомъ случаѣ, когда предшествовавшее ему давало основаніе для его исполненія—въ связи съ предстоящими событіями. Мы знаемъ исполненіе этого пророчества въ послѣдующихъ событіяхъ; но гдѣ же та, такъ сказать, причина, послужившая началомъ для него, та связь съ предыдущимъ? Для уясненія этого, еще разъ обратимся къ лѣтописи: «и за утра вставъ (Св. Ап. Андрей) рече къ су«щимъ съ нимъ ученикамъ и проч.». Какъ видно пророчество произнесено утромъ, а не ранѣе,—тогда, когда уже Апостолъ провелъ ночь на берегу Днѣпра; по этому стимулъ его долженъ находиться въ ночныхъ дѣйствіяхъ Апостола, или,—что одно и тоже,—въ ночной его проповѣди поселенцамъ слова Божія. На основаніи этого, непроизвольно, а обязательно отвѣтить на вышепоставленный вопросъ, «что пророчество послѣдовало, какъ слѣдствіе ночной проповѣди поселенцамъ, *послѣ посѣва Апостоломъ сѣмени Благовѣстія на плодородной почвѣ*. Апостолъ Андрей имѣлъ полное право произнести свое пророчество,—онъ видѣлъ, что ночная его проповѣдь поселенцамъ о вѣрѣ въ Христа глубоко запала въ ихъ сердца, что сѣмя Благовѣстія, посѣянное имъ на такой благопріятной почвѣ, должно въ будущемъ произрасти въ великое Христіанское дерево и дать обильнѣйшіе плоды, которыми будетъ питаться будущая Русь. Только при такомъ значеніи пророчества, оно становится въ рядъ событій, не выходящихъ изъ системы судебъ Славяно-

*) Это подтверждается свидѣтельствомъ Гостынскаго лѣтописнаго свода, гдѣ говорится «внегда Св. Ап столъ Андрей, во своемъ жребіи проходя учаше, бысть уча въ Синопѣ, также въ Корсунѣ; отнюду же поиде Днѣпромъ горѣ.... *и люди, иже тамо быша, учи и крести»*.

Руси; только при такомъ значеніи, устраняется мысль о какой-то, какъ бы случайности его,—безпричинности.

Такимъ образомъ, проникая подъ покровъ начальной лѣтописи Нестора, скрывающей отъ насъ многія тайны бытія Руси, считаемъ, что оттуда мы извлекли изъ нихъ одну тайну—свѣдѣніе о зачатіи Христіанства въ Кіевѣ въ I в. по Р. Х., чрезъ Апостола Андрея, посадившаго первое христіанское зерно на берегу Днѣпра.

Ранѣе мы видѣли, что тутъ несомнѣнно находились обитатели въ I в., въ чемъ удостовѣрили скрытыя ими деньги того времени; тѣ ли самые поселенцы, которымъ принадлежало открытое денежное достояніе, слушали Благовѣстіе Ап. Андрея, или, быть можетъ, предшественники ихъ, это безразлично для существа дѣла; вполнѣ достаточно того, что въ I в. по Р. Х. совершилось *зачатіе христіанства на Кіевской территоріи.*

III.

Памятниковъ и свидѣтельствъ, даже косвенныхъ, о томъ, «что Христіанство на Кіевской территоріи сохранялось у насельниковъ этой страны, въ послѣдующіе II, III и IV в.в., до сихъ поръ нѣтъ никакихъ; одно можно предполагать несомнѣннымъ, что Кіевъ былъ обитаемъ въ эти вѣка, что доказываютъ опять тѣ же клады, о которыхъ мы сказали выше; они категорически говорятъ о пребываніи въ Кіевѣ поселенцевъ, потому, что деньги (Римскія *), принадлежавшія имъ, относятся къ I, II, III и IV в. в.; они могли ихъ получить или пріобрѣсть только втеченіи того времени.

Если бы здѣсь былъ поставленъ намъ вопросъ: сохранилось ли Христіанство въ Кіевѣ въ указанные вѣка? мы все таки отвѣтили бы утвердительно, вотъ на какомъ основаніи. Мы имѣемъ памятники несомнѣннаго существованія Христіанства на Кіевской территоріи въ V и VI в. в. (о чемъ скажемъ ниже), и въ тоже время не имѣемъ никакихъ поводовъ предполагать, что въ эти послѣдніе вѣка Христіанство было бы насаждено вновь,—новою Евангельскою проповѣдію и только поэтому оно вновь проявилось въ VI и VII в.в.; на это нѣтъ никакихъ указаній. Вслѣдствіе чего, не будетъ безосновательнымъ сказать, что и *въ предыдущіе вѣка (II, III—IV) не изглаживалось Христіанство въ Кіевѣ.*

*) Римляне никогда не владѣли Кіевскою мѣстностію; вслѣдствіе этого, не могли имѣть и Римскихъ колоній въ Кіевѣ. Это несомнѣнно доказываетъ то, что найденные въ Кіевѣ клады, состоящіе изъ Римскихъ монетъ, были пріобрѣтены Кіевскими поселенцами, ихъ торговыми сношеніями съ Римскими провинціями.

Въ дѣлѣ религіи не можетъ быть случайныхъ, безпричинныхъ скачковъ; не могло бы существовать въ Кіевѣ въ V и VI в. в. христіанство, если бы оно не зажглось, хотя бы нѣкоторыми, оставшимися прежними искрами.

Обращаемся къ существованію въ Кіевѣ христіанства въ V и VI в.в. Что оно несомнѣнно было тутъ въ эти вѣка, то это, вопреки г. г. Линицкому и Бѣляеву, доказываетъ опять археологія.

Находки особыхъ, каменныхъ, своеобразныхъ, четырехъ-равноконечныхъ каменныхъ крестиковъ въ разныхъ мѣстахъ Кіева и въ мѣстностяхъ Кіевской территоріи, частію въ раскопкахъ, частію вымытыхъ изъ земли водою, представляютъ несомнѣнные памятники христіанства помянутыхъ вѣковъ. По своей формѣ, стилю, техникѣ и идеѣ, эти крестики вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ крестамъ—«crux immissa» и «crux commisa», которые исключительно употреблялись Христіанами въ V и VI в. в., и также имѣютъ совершенное сходство съ такими же Херсонесскими крестиками, извлеченными тамъ изъ раскопокъ.

Принадлежность такихъ крестиковъ къ помянутымъ вѣкамъ утверждаютъ извѣстнѣйшіе археологи и писатели, изъ числа которыхъ укажемъ на знатоковъ этого предмета: G. B. de Rossi *), Фонъ-Фрикенъ **), Бирюкова ***) и профессора Покровскаго ****). Они изображаютъ crux immissa и crux commissa съ гладкими поверхностями, не имѣющими ни какихъ изображеній, поясняя, что не пришло еще то время, когда изображенія Распятаго на крестѣ, или хотя бы только страстей Христовыхъ, не вызывали язвительныхъ насмѣшекъ и презрительныхъ сужденій не вѣрующихъ въ Христа, и не было бы соблазномъ для самихъ христіанъ, не изгладившихъ еще изъ памяти картинъ позорной смерти преступниковъ на крестѣ.

Кіевскіе крестики (изъ раскопокъ и находокъ) должны быть отнесены къ «crux immissa» и къ «crux commissa», изображая собою доподлинный видъ ихъ. Такъ какъ они вполнѣ сходствуютъ съ такими же Херсонесскими крестиками, какъ по внѣшнему виду, такъ и матеріалу, изъ котораго сдѣланы, то безошибочно можно сказать, что они, въ свое время, прибыли въ Кіевъ изъ Херсонесса, гдѣ проповѣдь Евангелія и христіанство утвердились съ самаго начала I в.—съ вѣка Апостольскаго. По послѣдующимъ, довольно оживленнымъ, промышленнымъ сношеніямъ Кіева съ Черноморскимъ побережьемъ, можно заклю-

*) Сочиненіе его: Roma «Sotteranea Chrytiana».

**) «Римскія катакомбы».

***) «Иконографія креста».

****) «Церковная археологія» и «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи».

чать о существовавшихъ и въ то время сношеніяхъ Кіевскихъ поселенцевъ съ Херсонессомъ, откуда и проникалъ къ нимъ Евангельскій свѣтъ, и откуда они съ промѣною своихъ произведеній на предметы Херсонесскіе или на деньги, промѣнивали и свое язычество на христіанство, т. е. познавая тамъ Христа-Искупителя, крестились тамъ въ вѣру Его и возвращались христіанами съ знаками «crux immissa» въ формѣ тѣхъ каменныхъ крестиковъ, о которыхъ сказали выше. Это былъ одинъ изъ болѣе прямыхъ путей, по которому крестики въ видѣ crux immissa или crux commissa прибыли изъ Херсонесса на Кіевскую территорію.

Что эти крестики прибыли оттуда, едва ли можетъ быть въ томъ сомнѣніе: 1) Они не могутъ быть отнесены къ позднѣйшему, мѣстному производству, такъ какъ изъ камня никакихъ подобныхъ предметовъ никогда не производилось въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. 2) Матеріалъ, изъ котораго сдѣланы крестики, также не существуетъ на Кіевской территоріи и даже далѣе ея, и 3) нѣтъ никакого основанія къ предположенію, что тѣ крестики могли быть сдѣланы въ позднѣйшее время съ гладкими поверхностями, вслѣдствіе трудности для вырѣзки на камнѣ. Такое предположеніе было-бы несообразно съ существомъ дѣла, именно: крестики безъ изображеній на нихъ распятія Спасителя или страстей Его, еще въ VII в. совершенно вышли изъ употребленія; по этому, крестики, представляя собою только примитивное изображеніе, одну форму креста, не могли уже удовлетворять религіозное требованіе христіанина и не могли имѣть мѣста въ производствѣ, какъ предметъ вышедшій изъ употребленія; что же касается предполагаемой трудности для вырѣзки изображеній, по которой кресты выходили отъ мастеровъ, дѣлавшихъ ихъ, съ гладкими поверхностями, то и это предположеніе не состоятельно, такъ какъ мастеръ выполнилъ уже несравненно болѣе трудную задачу труда, — просверленіе дырочки въ верхней оконечности крестика, для продѣванія въ нее шнура; начертаніе же изображенія гравернымъ способомъ на лицевой сторонѣ не представляло никакого особеннаго затрудненія; за нимъ не остановился бы мастеръ, если бы въ томъ была надобность, тѣмъ болѣе, если бы отсутствіе изображенія на крестикѣ обезцѣнивало его произведеніе, на которое уже онъ употребилъ столько труда.

Желая дополнить доказательность того, что найденные на Кіевской территоріи каменные крестики несомнѣнно относятся ко времени V и VI в.в., прилагаемъ здѣсь таблицы: № I, показывающую поступательное изображеніе креста, съ объясненіемъ къ ней; № II—съ графическими изображеніями каменныхъ крестиковъ, полученныхъ при раскопкахъ земли въ Кіевской мѣстности, также и объясненіе къ ней и № III, съ начертаніемъ на ней вида или формы Херсонесскихъ крестиковъ.

Таблица № I наглядно указываетъ, что Кіевскіе крестики представляютъ «crux immissa» V и VI в.в. также, какъ и крестики Херсонесскіе, и что между тѣми и другими не замѣчается никакого различія.

Вообще,—въ совокупности, все вышеизложенное нами о свидѣтельствахъ и памятникахъ христіанства, если не своею многочисленностію, то очевидною доказательностію, приводитъ къ убѣжденію, что зерно Христіанства еще въ I в. по Р. Х. было посажено Первозваннымъ Апостоломъ на томъ мѣстѣ, гдѣ съ вѣками должна была «возсіять Благодать Божія и гдѣ имѣли быть воздвигнуты во множествѣ христіанскіе храмы», какъ торжество Евангельскаго свѣта надъ мракомъ язычества. Здѣсь мы должны остановиться на нѣкоторомъ соображеніи: Вдругъ, чрезъ короткое время, бываетъ обильная жатва только тамъ, гдѣ былъ сдѣланъ значительный посѣвъ; но въ I в. онъ не могъ быть сдѣланъ въ Кіевѣ, такъ какъ мѣсто тутъ было только для одного зерна. Въ Кіевѣ находилось, быть можетъ, только нѣсколько единицъ поселенцевъ для выращенія зерна въ полный ростъ Христіанства. По этому, естественно, что прогрессивный ростъ христіанства въ Кіевѣ отъ I до V в. не оставилъ намъ о себѣ памятниковъ; но здѣсь одно можно сказать, что этотъ ростъ не прекращался и не лишился своей жизненности въ послѣдующіе три вѣка; объ этомъ, какъ *о послѣдствіи* той жизненности, свидѣтельствуютъ памятники V—VI в. в.,—каменные крестики, найденные въ Кіевской мѣстности, о которыхъ мы говорили выше.

Мы сказали, что эти крестики пришли, въ свое время, въ Кіевъ изъ Христіанскаго Херсонесса, вмѣстѣ съ возвратившимися оттуда Кіевскими поселенцами, находившимися тамъ по дѣламъ промышленности, и при этомъ имѣвшими случай быть обращенными изъ язычества въ вѣру во Христа. Такъ это было въ V и VI в. в. Такъ заключаемъ по тому, что Кіевскіе памятники (каменные крестики) относятся собственно къ тѣмъ вѣкамъ. Но, если не существуетъ у насъ христіанскихъ памятниковъ II, III и IV в. в., то доказываетъ ли это, что зажженный въ I в. Св. Апостоломъ Андреемъ Евангельскій свѣтъ на берегу Днѣпра погасъ въ послѣдующіе три вѣка и даже не тлѣла искра его? Нѣтъ, эта искра тлѣла и не могла совсѣмъ потухнуть! Для приднѣпровскихъ обитателей область Припонтійская была

знакома по прежней ихъ прародинѣ; они не могли не имѣть нѣкоторыхъ сношеній съ ней, хотя бы по сбыту мѣстныхъ своихъ, природныхъ произведеній; что едва ли даже подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ историки указываютъ на очень раннюю торговлю Славянъ; а если они сообщались съ Припонтійскимъ побережьемъ, или обратно,—покупщики оттуда прибывали къ нимъ для покупки или мѣны произведеній, то Слово о Христѣ слышали поселенцы Кіева отъ тамошнихъ христіанъ, и если оно не всѣми принималось, то несомнѣнно запечатлѣвалось въ отдѣльныхъ личностяхъ. Доказательствомъ этому служитъ то, что въ V и VI в. в. Кіевскіе каменные крестики категорически говорятъ о бывшихъ въ эти вѣка въ Кіевѣ христіанахъ, а это въ свою очередь доказываетъ существованіе въ Кіевѣ христіанства и въ предыдущее время, на томъ основаніи, что не неявляется ничто случайно, безъ предварительной къ тому подготовки: зерно даетъ сначала ростокъ, изъ котораго образуется корень растенія и зачатокъ ствола его, затѣмъ начинается ростъ надземнаго растенія—ствола съ листьями, далѣе происходитъ подготовка къ цвѣту и т. д.; то же происходило и происходитъ и въ дѣлѣ христіанства. Слѣдовательно, если въ Кіевѣ въ V в. были христіане, то нельзя допустить того, чтобы въ предыдущее время не было сдѣлано для этого подготовки, т. е. чтобы тлѣвшая искра Евангельскаго свѣта уже не разгорѣлась къ V в. настолько, чтобы свѣтить свѣтомъ,—обратить язычника въ вѣру во Христа. Такимъ образомъ, мы видимъ зачатіе Христіанства въ Кіевѣ съ I вѣка по Р. Х. и, до извѣстной степени, утвержденіе его на Кіевской территоріи въ V и VI в.в.

Съ VII по IX вѣкъ исторія Христіанства въ Кіевѣ покрыта непроницаемымъ покровомъ, который только нѣсколько приподымается крещеніемъ въ христіанскую вѣру Аскольда и Дира, что даетъ возможность предполагать, что, хотя и подъ пепломъ, все—таки не угасала совершенно искра отъ прежняго Евангельскаго свѣта со времени прохожденія Первозваннаго Апостола по Кіевскимъ, наднѣпровскимъ возвышеніямъ. Дѣйствительно, только и могла не угаснуть одна искра, скрываясь подъ пепломъ. Причина этого ясно изложена въ Гостинскомъ лѣтописномъ сводѣ, гдѣ, послѣ свидѣтельства о проповѣди Св. Апостола Андрея, который «пойде по Днѣпру горѣ.... и люди иже тамо быша учи и крести» добавляется: «Но сіе крещеніе въ Россіи частыхъ «ради браней, не распространися, яко же и ста«рый учитель Римскій Тертуліанъ свидѣтель«ствуетъ глаголя: бяше въ Сармаціи вѣра Хри«стіанская, но частыми браньми бяше угнетаема и не распространися». Да, Христіанская вѣра по частымъ бранямъ не могла распространиться, какъ вѣра, обязывающая къ любви ближняго; но опять-таки искра свѣта ея тлѣла въ сердцахъ людей, представлявшихъ единицы, такъ какъ Св. Великая Княгиня Ольга, отправляясь креститься въ Константинополь, не могла бы имѣть при себѣ свиты, не сочувствовавшей ея стремленію. Если бы народъ ея былъ всецѣло преданъ одному язычеству, то Св. Кн. Ольга, при всемъ своемъ обаяніи, не могла бы такъ открыто исповѣдывать Христіанскую вѣру, учреждая даже епископію.

Заканчивая этимъ нашъ посильный обзоръ, обращаемся еще разъ къ г.г. Линицкому и Бѣляеву. Какъ видятъ они, всѣ главныя свѣдѣнія о зачатіи Христіанства на Руси дала намъ археологія; пусть же они, отвергая ее, укажутъ намъ, взамѣнъ ея, другую науку, которая дала бы намъ бóльшія свѣдѣнія безъ труда надъ изученіемъ древнихъ памятниковъ и всего того, что они считаютъ хламомъ, не свойственнымъ для вниманія здравомыслящаго человѣка. Если они этого не сдѣлаютъ, то останутся только разрушителями, а не созидателями науки.

Н. Леопардовъ.

Табл. I.

НАЧАЛЬНОЕ И ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ КРЕСТА.

Катакомбныя сѵмволическія изображенія *)

(съ конца I-го до V в.).

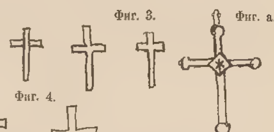
Монограмматическій крестъ,—переходъ къ открытому кресту *).

Открытый крестъ—*crux immissa* *).

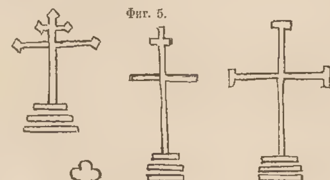
Переходъ къ кресту, болѣе открытому.

Выдвигающійся на видъ крестъ:

Приближеніе изображенія креста къ окончательной формѣ.

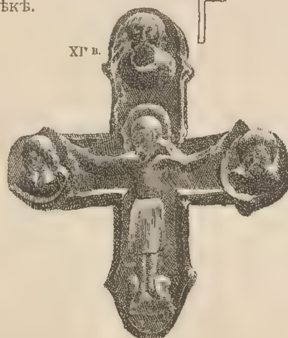

Окончательная форма изображенія креста въ IX вѣкѣ.

XI в.

XI в.

XIII в.

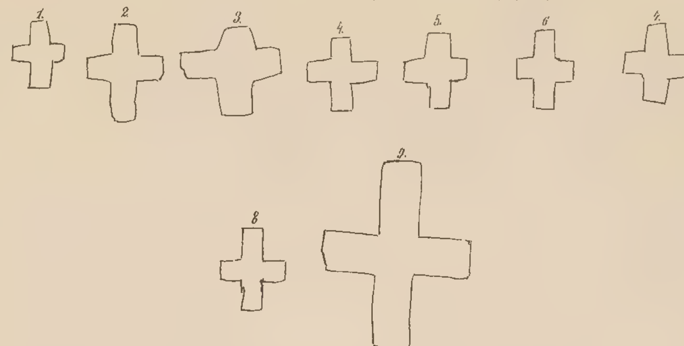
*) фонъ Фрикенъ: »Римскія катакомбы« и Проф. Покровскій.

Объясненіе на сл. страницѣ.

Табл. II.

Снимки съ каменныхъ крестиковъ, найденныхъ въ разное время при раскопкахъ земли.

Въ мѣстности Кіевской

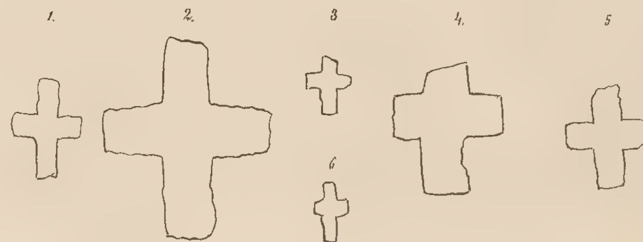

Въ натуральную величину.

Табл. III.

Снимки съ каменныхъ крестиковъ, найденныхъ въ раскопкахъ земли

Въ Херсонессѣ.

Въ натуральную величину.

Объясненіе.

Къ Таблицѣ № I.

Изображенія крестовъ, показанныхъ на таблицѣ № I, были употребляемы Императорами:

Показаны въ соч. Sabatier «de Monnaies Bisantines». т. I.

Фиг. 1.	Аркадіемъ	Табл.	IV.
» 2.	Евдокіею	»	V.
	Θеодосіемъ II (408—450)	»	V.
	Львомъ I. (457—474)	»	VI.
	Львомъ II. (457—474)	»	VII.
	Зенономъ. (457—474)	»	VIII.
» 3.	Анастасіемъ (495—518)	»	XII.
	Юстиномъ I (527)	»	X.
	Юстиніаномъ I (565—578)	»	XII.
» 4.	Тиверіемъ и Константиномъ (582—602)	»	XXII.
	Θеофиломъ (668)	»	XLIII.
	Михаиломъ III и Феодоромъ	»	XLIII.
» 5.	Василіемъ I (867—886)	»	XLIV.
	Львомъ и Александромъ	»	XLIV.
	Львомъ VI и Константиномъ X	»	XLV.
» 3ª.	Снимокъ съ мѣднаго крестика.		

Къ Таблицѣ № II.

Крестики изъ найденныхъ въ мѣстности Кіевской.

Фиг. 1. Сдѣланъ изъ темной яшмы; найденъ на Подолѣ, при копаніи земли близь Канавы. (По показанію продавца).

» 2., » 3., » 4., » 5. Изъ мраморовъ разныхъ породъ. Найдены въ Кіевѣ, на Глубочицѣ.

» 6. Изъ твердаго темносѣраго камня, покрытъ частыми бѣлыми крапинами. Найденъ въ Кіевѣ.

» 7. Изъ плотнаго сѣраго кремнистаго камня. Вѣроятно, какъ древность, занесенъ былъ изъ Кіева во Владиміръ-Волынскъ, но оттуда возвращенъ въ Церк. Музей.

» 8. Изъ розовой яшмы (или изъ сердолика) прорѣзанъ бѣлыми продольными полосками.

» 9. Изъ камня, называемаго змѣевикъ. Найденъ въ Кіевѣ. Прежде находился у проф. Волошинскаго.

Къ Таблицѣ № III.

Каменные крестики, найденные въ Херсонессѣ.

Фиг. 1. Изъ твердаго сѣроватаго камня.

» 2. Изъ свѣтлокоричневаго шифера.

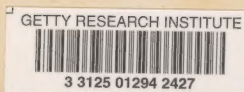
» 3. Изъ темнокраснаго кварца.

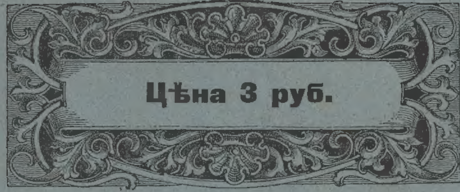
» 4. Свинцовый.

» 5. Изъ темнозеленаго зернистаго камня.

» 6. Изъ желтоватобураго камня, изъ породы мраморовъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 22 Марта 1893 года.

Цѣна 3 руб.